

Инф.: Голенков Аркадий Владимирович, 1924 г.р., Ак-Шеих Крым

Интервью записано: АР Крым, ПГТ Раздольное, 9.08.2006

Соб.: А.Страхова, Т.Величко

Расш.: А.Страхова

(В скобках записаны вопросы и реплики собирателей)

... области.

Дочь. Девочки, извините, пожалуйста, тут приходили два мальчика, я их отправила. Сказала, что вы у нас уже сидите. (Да, пусть к Музыке идут). А они уже от Музыки. (А, ну, все). А Музыка сказал, идите до Голенка, они приходят, говорят, где Голенок? Я говорю, вообще-то у нас Голенков фамилия. А они, ну, раз девочки сидят, они ушли.

А.В. А это кто такие? (А это наши студенты). Тоже ваши? Да, мы раньше пришли к Вам). Ну, раз раньше, раньше, так раньше. Это, значит, такова история моих предков. Мой прапрадедушка, прапрадедушка воевал, эээ, в 1853-1854м году в Севастополе. (Так). Война была, Крымская война. Помните Крымскую войну? (Да, знаем, конечно). Вы ж историки? (Да, конечно). Когда кончилась его служба, он был унтер-офицером, сержант по-нашему. Значит, эээ, шо за царь, царь, не помню, кто был, по-моему, Александр был.

1:00

(Николай I). Или Николай I в это время? (Николай I. Во время Крымской войны Николай I, потом он умер, и стал Александр). Ну, да, да, вот. Ну, это дело в том, что вот это в Крыму вот эти побережья, северные побережья и западные побережья Крыма пустовали. И им, вроде как, знаете, как раньше казачеству давали наделы, наделы. Наделы, земли, по-моему, десять соток, нет, десять десятин. Короче, десять гектаров получил он. Три километра Кропоткино называется, а раньше называлась Курайовка. Такое это название, знаете, эээ, ну, крестьянское, или как его назвать.

2:00

Название такое бытовое, это вот. И здесь мои, значит, отец мой и родился здесь. Он... (А его родители были, Вы сказали, из Орловской губернии, да?) Да, да, юга, этот... Потом он написал, этот, прадедушка мой написал, написал туда, в Орловскую, это, и они приехали сюда жить. Построили, значит, земляночку или шо там, знаете, как раньше это было, и они жили здесь. И здесь народилось, значит, мой отец родился в 1900м году. Мой отец родился, и, эээ, его, значит, два брата, было два брата, было и две сестры у него. (Угу).

3:00

потом, значит, а потом, а потом что, начали рожаться дети в них. Родился сын Алексей в 20м году и погиб в 42м году под Севастополем, он там служил. Родился второй сын Иван в 21м году, в 41м году погиб под Москвою. Моложе не делайте (надевает ордена для фотоснимка – А.С.).

4:00

Потому что не сможете сделать. Так? (Да, хорошо). Могу похвастаться. Значит, девочки, вот она. Что это такое? (О! «Чемпион Крымской области по пулевой стрельбе, 1971й год». И значок, да?) Это я уже дедушка был. (Да?) Бывают чемпионы-дедушки? (Бывают). Бывают, да? (Но редко). А если б так сфотографировать как-то? (Давайте сфотографируем). Все? (Ага). Начинается война, отца забирают в армию, отца забирают в армию, и он тоже попадает под Севастополь.

5:00

Тоже попадает под Севастополь, и там погибает. Вот это моя жена (Показывает фотографии – А.С.) (Ага, да, хорошо. Курсант военного училища, да?) Вот это я в госпитале в Иваново, вот это я на фронте, командую это... (Это что такое?) Рыба, миномет. (Миномет, да?) Да, ну, это... (Это Вы уже сейчас). Современная. (Современная, ага. Может быть, потом мы перефотографировать попробуем). Это так, дальше что. (Да, вот, вот ксерокопия, ага. А Вы вообще помните... Вы сами какого года?) Я? (Да).

Я 26го. (А, 26го года. Это, когда началась война, Вам сколько было? Пятнадцать. (Пятнадцать, а до войны Вы жили где, в Кропоткино?)

6:00

Кропоткино. (В Кропоткино? А в Раздольном с какого времени?) Вот как с армии пришел в 57м году. Я 13 лет отслужил, капитан Советской армии, без пенсии, без пособия, без... Хрущев выгонял, Вы знаете. (Нет). Сокращал вооруженные силы. (Что, без пенсии?) Да. (Без пенсии???) Да. (Почему?) не, военной я имею ввиду. (Ну, да, да, я понимаю тогда). Да, да. Вот, ну, это, на чем я остановился? (Так, так вот Вы нам расскажите о Кропоткине, да?) Да. (До войны, кто там жил до войны? Как жили? Где учились?) У меня фотографии где-то были. Значит, жили мы там в колхозе, в колхозе. Я еще помню 33й год, голод, голод был.

7:00

(Здесь?) Да, ну, в Крыму не такой голод был, как на Украине. Там, пишу, читаю, я без чтения... Кстати, я без очков читаю еще. (Да, нам сказали). Меня спрашивают когда, а я говорю, я снайпером был на фронте, и всегда у меня один глаз сачковал, а человек как машина, вы знаете? Новенькая, красивая, хорошая, новая, красивая. Старая – то колеса, то это, так и в человека, то нога, то рука, то это... Срабатывается, потому что у человека, у человека определенный резерв какой-то, верно? Эээ, одно хорошо, больше держит, другое... Понимаете? (Ну, да). Значит, я родился там, значит, пошел я в школу раньше семи лет. Почему? Потому что кушать надо было, а в школе давали по 200 грамм хлеба и стаканчик молока.

8:00

Колхоз, отдоили так доярочка, там это-это, вот. И я, значит, ради вот этой и пошел с семи лет в школу, когда у нас было восьмилетка тогда. В восемь, на год раньше, значит. Ну, рос, как, как крестьяне, как привыкший к труду, привыкший. Пас лошадей, когда каникулы, пас коров, пас я это, ну, хотя жили очень бедненько, бедненько. Эээ, значит, отец мне в 37м году

купил велосапед, это первый велосапед в деревне был. На этом велосапедесе деревня научилась кататься, кататься.

9:00

Потом, значит, мне в голову взбрело – помогать надо. А чем помогать? Надо учиться поехать. Куда поехать учиться? Значит, первое было в Керчь, Керчь, ремесленное училище. Вы знаете, что такое ФЗО, ремесленное училище тогда это очень часто было. Значит, не попал я и, конечно, заплакал. (Это еще до войны?) Ну, да, до войны. Это 40й год – 41й год, 40й – 41й год. Мои друзья поехали, а меня не взяли, и шо-то у меня не получалось, так вот. Потом, значит, председатель исполкома здесь был, Васильев такой, настоящий коммунист. Кушал в столовой, никогда не это, понимаете? Не то, шо щас вот есть такие, вот. Говорит:

10:00

«В Армянск поедешь?» Армянск знаете? (Да, конечно). Перекоп, Перекоп. «Поедешь туда в ФЗО». ФЗО называется железнодорожное. По моему где-то у меня фотография. Вот, железнодорожное. И я там, значит, приехал учиться. Ну, как крестьянин, для меня работа это ничего не составляет, даже, ээ, в то время, в то время и щас. Щас мне 80 лет с лишним уже, я работаю, я сопаю, я это, понимаете, хотя инвалид я войны 1й группы. Сюда вот пуля зашла, а сюда вышла. Врач сказал, из миллиона один выживает при таком ранении. Так получилось, что, ну, молодые. Значит, там меня застает война.

11:00

(В Армянске?) В Армянске, в Армянске застает война. И там, значит, и до этого была военная дисциплина, ээ, в столовую строем с песнями, с этой, как в армии, знаете. Ээ, туда строем с песнями, туда строем с песнями. Значит, и вот война началась, ну, тут мы смотрим, на вокзале там это, знаете такой, как называется, такой энтузиазм в... Да мы немцев, да мы их, нам раз плюнуть. Ну, мы ж тоже пионеры, комсомольцы, да. Уезжают на фронт, сюда

– туда. И вот однажды, это было, наверное, в августе уже месяце, вот, приезжают две тачанки.

12:00

Мы смотрим, а мы там на этом... А нас вывели туда, мы ж не знали зачем, навал. Вы навал видели? Глубокий такой ров, вот. Мы ждем тачанки, и сзади, значит, 50 кавалеристов. Подъезжает тачанка, слазит Буденный, идет до вала, стал, значит, шо-то рукой машет, и та-та-та-та-та-та. Да. Ну, сел, две тачанки. Одна тачанка, значит, он сидит, коврами застеленная, такие серые лошади, а вторая тачанка, мы смотрим, два пулемета. Мы всегда ж считали, что один пулемет, ооо, Максимум, пулемет. А то два пулемета, и главное, держатся, вроде стрелять щас будут. Куда, зачем? Это фронт же уже под Одессой был фронт, а немецкие самолеты летают.

13:00

Все фотографируют нас, мы копаем это, да. Ну, что? Приходит начальник, нам говорит: «Буденный приказал углубить». И так глубоко, 8 – 6 – 8 метров глубина. Ну, шо, приказ есть приказ, мы начали. Знаете, ну, пацаны, не особенно по этому. Ведрами, туда на этом, шум, гам, баловство, Знаете, как это? (Ну, да). Работаем. Это я щас уже, когда стал военным, то я считаю, что это просто, ну, дурость какая-то, понимаете? Дурость какая-то, да. Ну, и получилось так, значит, немцы подошли к Перекопу, захватили часть Перекопа, часть, это. И наши отступают, отступают. Значит, я, это, перед этим, наверное, за месяц до этого, эээ...

14:00

Это одну группу отправили в Керчь, у Керчь. (Ваших ребят?) Да, наших ребят. Значит, и приходит, значит, оттуда сообщение: немцы разбомбили, и всех уничтожили. Там, пятьдесят или шестьдесят человек, один... Ну, и мы что? Разбегались, разбегаться. И я, значит, здесь недалеко, 40 километров, прихожу домой, вызывает председатель колхоза: «Аркадий, давай-ка ты с лошадьми, это, скот надо гнать на фронт». Не на фронт, а в Керчь, в Керчь уже. Ну, они намного опоздали, опоздали. Уже немцы в Перекопе, и здесь

все бомбили, все это. И погнали мы скот. Ну, догнали примерно с... До Первомайска, знаете, район Первомайский? (Угу, да, знаем).

15:00

Туда, и... (Как он тогда назывался, Первомайский?) Джурчи, по-моему. (Джурчи?) Да, Джурчи назывался, Джурчи. Вот, догнали, ну, как мы гнали? наших самолетов сбивали у день 10-15, у день. Всего сбивали, вот, по моей памяти два немецких, два. И я еще говорил, и тогда, и сейчас, и помню сейчас, и всем вот ветеранам рассказываю. Вот сейчас в госпиталь попадаю я, сразу военную тему, и начинаю определять, кто их, кто, где воевал, как воевал, что. Я сразу, вот. Если вы специалист в какой-то это, вы сразу поймете, так или нет, так есть он, нет. Спроси, сколько снарядов, какие снаряды.

16:00

Все, значит. Ну, а есть, даже среди ветеранов хвастливых таких: я это, я то. Да, ну, это. Мы по этим, и вот... (Это Вы гнали скот?) Да – да – да. Мы на лошадях, мы, это, ну, гнали мы, как, знаете, наше дело было там помогать нашим летчикам, вытаскивать из самолетов. И горит самолет, все это мы проделывали быстро. Мы на лошадях, мы смотрим, мы уже знали, какой самолет, марка самолета: Миг, этот, Як и все самолеты, эээ, как, 15 знали, и немецкий это. Но немецкий намного лучше, намного это, и хотя и говорили, летать выше всех, дальше всех, помните? Такие, это не было, этого-то не было. И вот Ишунь, знаете Ишунь?

17:00

Под Ишунем, значит, сбивают наш истребитель. Спускается, вот, 20 метров над ним, падает, падает. Не открыл парашют, это, ноги поломал летчик. Я прибежал, ему ремень снял, этот, да. Обратил внимание, август месяц или уже под сентябрь, а реглан, унты теплые, шлем теплый. Ото ж он, я вижу, не может вылезти он с кабины, не может вылезти. Ну, я не понимал этого, ведь думаешь, как это, лето, летом? Через час, а этот немецкий разворачивается, и по нам. Парашют же лежит здесь, он видно парашют, и он очередь дал по нам. Ну, полметра от меня пули прошли, мы лежим, да.

18:00

Покуда мы сюда – туда, подъезжает машина, значит, мы этого летчика у госпиталь, да. Он возвращается, а я хорошо заметил на нем дракон такой зеленый, нарисовал на мизере, вот. Он, видно, где-то в этом, или в Каховке, или где-то вблизи заправился, и через 20 минут, это. И низко идет, шас говорит, пропорет нас, вот, низко – низко. И вдруг пулемет стреляет, пулемет стреляет, наш пулемет по нем. Значит, прострелял. Он по нам не стрелял, и ниже, ниже, ниже, ниже, там Воронцовка есть. На поле он садится, самолет немецкий. И мы на лошадях, смотрим, летчик ходит вокруг самолета, эээ, самолет, работает двигатель: пыр – пыр - пыр – пыр.

19:00

И вот так ходит, руки вперед поставил. Ну, мы подошли, по-немецки там знали что-то. Ханд, та – та – та – та – та, да. Боимся подходить к нему. Значит, что я вижу: безрукавка, сандали, на босу ногу сандалики, шорты. Это час прошло. Шорты, да. Ну, тут этот, прибежали, это наши солдаты, приехали это, забрали этого. Ну, там командир говорит: «Заглуши!» А я понимаю, что там глушитель? Ну, вот так выработал, эээ, пах – пах – пах, и остановился. Остановился, да. Значит, это мне хорошо запомнилось. Я попадаю в госпиталь в Иваново, лежит лейтенант, летчик. Я говорю: «Ты?» - «Да, я». Я ему эту историю рассказываю. «Дорогой мой, расскажи, в чем дело?»

20:00

«Сбивают, а ты знаешь, что у наших самолетов не было печек?» А уверху даже летом... Вы летали на самолетах? (Да, холодно). 5-6 тысяч метров, 30-25-40. Значит, он там, когда летит... А летчики–немцы - печка, как у нас в Жигулях. У нас до Жигулей, вы знаете, не было печек в машинах. Когда еще Брежнева возили, так жара брали, под ноги ему ложили, вы знаете? Ха-ха-ха. Или грелки облаживали, грелки облаживали, чтобы, это, да. Он говорит: «Ты видел, - говорит, - когда Чкалов прилетел в Америку?» Были, помните, такие? Он еле вылез с самолета.

21:00

А там встречают его в панамах, в этих, а он идет, как медведь, русский медведь, ха-ха. Помните же? Помните? Вы тоже помните об этом? (Нет, слушаем). Вот такая история. Вот такая история, да. Значит, нам приказ приходит гнать на фронт. (Животных?) Оттуда, от этой Джурчи, вот этой Джурчи, от Первомайска, да, на фронт. Почему? Да потому что вся Керчь, город Керчь забита трупами лошадей и коров. Лето, гниет, разлагается, вонище в городе. Немцы, короче говоря, не дают, и нечем одно, второе, не дают эвакуировать не только скот, и людей даже.

22:00

Немцы воевать умеют. Вот умеют это. Я с ветеранами говорю, ну, победили, но победить можно по-всякому, верно? Победить - победить, правильно, победить. Ну, это погнали мы на фронт, да, а охота ж, нам по 15 уже. Ну, шо прибавишь, ну, два года, ну. До командира пришли: «Возьмите в армию». – «Ну, куда я вас возьму?» Тяжелое положение, 41й год. Армия, это, ну, как тебе сказать, деморализована была уже с... Вот, вот щас я понимаю, что они не способны были, токи это, потом я дальше расскажу, как это дело было, да.

23:00

Ну, это, ну, я говорю: «Товарищ подполковник, ну, пожалуйста, мы ж хотим воевать». – «Ну, а ты стрелять?» - «Да, я, - говорю, - охотник, с детства я охотник». Охотник хороший я был. «Ну, старшину вызови, в музыкальный взвод определить». Ооо! Мы... Приходим, палатка такая, этот, блиндажик такой, и там оказывается все евреи. А этот музыкальный взвод, он и похоронный взвод. И хоронят, и музыкальный, одна это ихня работа, значит, да. Ну, вот мы первую ночь, одну ночь там мы ночевали. Лежу, пык, снаряд рядом упал, и я помню шутку. Это уже 60 лет прошло, я помню шутку. Еврей говорит это:

24:00

«Зямка! Пойди открой, слышишь, Гитлер стучит». Такая у них шутка была, вот. Ну, смеются все, этот, тот-то там, то там. Ну, я крестьянин, рано встаю, они еще спят там это. Я встал, по ходу сообщения пошел, значит, смотрю, там окопы, какие окопы и т.д. Солдаты спят там возле. Такие ячейки, знаете? Траншея, потом каждая ячейка такая для стрельбы, вот. И дальше хода сообщения, чтобы двигаться, это. Ну, я так смотрю, солдат, я глянул, в метров ста немец. Вот так вот стоит и флажками шо-то машет. Я этого солдатика, говорю: «Подымайся!» - «Шо такое?» - «Немец! Немец!» Ну, он глянул: «Не, щас как нас с минометов, щас токи выстрели, токи выстрели, и хана нам будет».

25:00

Я до второго, до третьего, нет, никто не хоче, вот. Ну, покуда это, ну, уже, наверное, солнце взошло, хорошо, и немцы шо-то начали это. И начали стрелять наши. Тогда не били, а щас шо-то, видимо, командир приказал стрелять это. Значит, что я заметил и запомнил. Глубокая ячейка, ячейка, это место, где солдат это, и такие нишки сделаны. Он станет туда ногами, и стреляет. Выстрелит и падает, так незя. Вот уже, когда я стал уже офицером, это, так незя ни в коем случае, так не... Потому шо ты упал, ты уже потерял шо там где-то. Главное – видеть поле боя, знаете? Да.

26:00

Ну, нам не понравилось это дело, еврейская компания. (А почему в этом оркестре было столько много евреев? Почему он был еврейским, этот оркестр?) Ну, я думаю, что они больше всего могут музыканты, большинство, я так думаю, вот. Ну, а потом, евреи не особенно, что и этот их, может, он и не музыкант, а его в похоронную команду туда это. Понимаешь ли? Эээ, по натуре, я думаю, что евреи более трусливые или расчетливые, или какие. Не знаю, как это понять, но Вы понимаете, о чем речь идет. Значит, каждый народ какой-то определенный имеет, эээ, ну, героическое что ли, этот, или, как говорят, кавказское слово горячее, бам, понимаете? Вот.

Ну, я встретил лейтенанта, я говорю: «Товарищ лейтенант, - у нас лошади, у нас без седел были, - эээ, нельзя добавить седла, седла?»

27:00

«Та пожалуйста, - говорит, - вот туда пройдите километра два, потом направо посмотрите, там, - говорит, - вчера кавалерия наступала, и ее всю перебили». Мы пошли туда, пошли туда. Если б такой фотоаппарат был, хоть, хоть какой-нибудь, чтобы для... снять для будущего поколения. Ну, вы представьте ж, как я вам буду объяснять. Поле ровненькое, как крымские поля, вы ж видите, ровное, как аэродром. На этом поле, на этом поле примерно 250-300 лошадей убитых, расперло, лежать так.

28:00

И почти возле каждого солдат наш – кавалерист с саблей, вытащил саблю. Десять километров немцы, а он уже саблю вытащил, хочет, наверное, вы представляете, какая это... (На немцев с саблями шли?) Да, да, да! Я вот, вот, значит, наш солдат старый говорит: «Вы ребята, не надо ползать, потому что снайпера бьют. А там, - говорит, - есть еще раненые солдаты, не могут, есть такие, что лошадь привалила, придавила. И он кричит, - говорит, - целую ночь стреляет с карабина, не может вытащить ногу, а, может, раненый. Так заброшено это. «Ну, - говорит, - немцы по ночам ходят там и достреливают и лошадей, и наших. Это село Тарханы называется, это я хорошо запомнил – Тарханы.

29:00

Я говорю, с чего оно, видно, старое название какой-то вот. Пришла ночь, ну, может, вам не интересно это? (Интересно, интересно). Пришла ночь, и мы поползли туда. Во-первых, ни в коем случае попону не это, не расстегнешь, это. Она натянута, раздутая лошадь, представляете? Ну, я нашел такую, шо они полопались от этого, от раздутия. И я вытащил это седло. Я крестьянский мальчик, физически здоровый, ну я не мог поднять седла. Это минимум около сорока килограмм ему! Я тащил, тащил, и бросил. Потом всю войну, и

после войны, и щас думаю, какой дурак мог такое седло на лошадь, а потом сесть еще с саблей и с автоматом.

30:00

Что должна делать лошадь под ним? Вы представляете? (Ну да). И тогда, и щас я об этом думаю. И вот бываю я в этом, у госпитале, уже третий раз был вот в Симферополе в госпитале. Собирается это, и вот начинает это, ну, у нас это, эээ, несовпадения, понимаете? Вот какие, ну, короче говоря, это весело проходит, вот, например, я, эээ, задавал им такой вопрос, сто человек. (Это в госпитале?) Да. Полковники, майоры, солдаты, ветераны, там, награжденные, там это. Я говорю, вы видели фотографию – моряк и у него ленты так. Вы тоже видели, да? Моряк с лентами, видели, да? Такие, раньше было особенно, раньше это. Я говорю, вы ветераны, пожалуйста, мне скажите, что это такое, что это обозначает. Один говорит, для красоты, другой говорит, для этого, удобнее, третий – еще для чего, пятый – еще...

31:00

Спрашиваю – нет, нет, нет, кто говорит? Нет! «Ну, а ты знаешь?» Я говорю: «Конечно, знаю». – «Ну, тогда расскажи». Вот, я ему объясняю. Во-первых, пулемет этот Максимум, ну, как вам сказать, извините за выражение, гавно вдвое, по-русски говорят. И какой-то дурак, эээ, заставлял, и оно как-то пропагандировал и, этот, короче говоря, допотопный он по-своему. Я ему объясняю. Во-первых, это в Ленинграде было, а Ленинград – это сырой город, - говорю, - так же, да? Сырой город, а там ленты, ленты матерчатые.

32:00

Они сыреют, сыреют, вы понимаете, влажность, сыреют какое, а когда сырой, эээ, лента сырая, стрелять пулемет не будет. И вот командир, шобы каким-то образом шо-то, заставляет сушить на себе ленты. Но сушили они на тельняшке, не на этом, и когда фотограф приходил, они, может, даже фотограф сказал, че ты прячешь, давай, давай, на бу... Ха-ха, на бушла. Ааа! Вот то-то, то-то. И меня часто: «Вы говорите, эээ, ну, кто ж такой по специальности?» Самолеты – я с ними разговариваю, танки – я разговариваю,

это да. Я говорю: «Я пехотинец». А пехотинец тогда, я не стесняюсь, когда... Я ж не говорю, что я летчик, я не говорю.

33:00

Хотя они не узнают, шо я не летчик, они не узнают, шо я не танкист, они не узнают, шо я не артиллерист. Потому что пехота все знает, потому она, если ко мне пришел командир, там вы почитаете за саперов. (Да – да - да). Вот. Пришел: «В Ваше распоряжение прибыл!» Так я ж знаю, на что он способен, я ж ему не скажу сбить самолет ему, танкисту сбить и это, понимаете? Знать, на что сделан. (И вот Вы тогда остались, когда гнали скот, и бросили седло, а что дальше было?) Ха-ха. Дальше, щас, щас я... Я отвлекся немножко, да? (Да). Значит, начали немцы наступать, и мы этих лошадок, она, лошадки в нас, вы сельское хозяйство знаете? Я положил какой-то ряднушку, чтобы не это понимаете?

34:00

И начал двигаться домой. И немцы нас догнали. Ну, мы пацаны, он на мотоцикле. Значит, здесь вот есть село Ручьи, Ручьи, где немцы побили этих, вот, когда-нибудь я расскажу, знаете такое. (Кого побили?) Мужчин, мужчин. (Каких мужчин?) Обыкновенных, жителей, видели. (За что?) Рассказать? (Да, расскажите). Значит, в то время, в то время, значит, немцы отступали... Ох, вы, виноват, я за 41й год говорил, а это в 44м году. Немцы когда отступали, это 44й, а потом за 41й расскажу. Отступали, и мотоцикл проехал в разведку, все там, открытая местность, никого нету? Они доезжают до этого села Ручьи, выходят два партизана с ружьями, стреляют.

35:00

Ранили одного немца, немцы поворачивают, и в часть, и говорят: «Там это хто стрелял? Солдаты?» – «Нет, в гражданском». И они подъехали машины, окружили дом и 47 человек мужчин расстреляли. Ну, и щас я говорил, и раньше говорил, и... Как это могло случиться? Как это могло случиться? Просто партизаны трусили, спрятались, а подставили... Короче говоря, подставили. Ну, ладно. Но немцы не могли, не имели права стрелять.

Я всем говорю, и редакции, там это, кто понимает это. Хорошо, хорошо, немцам они какой-то урок сделали, немцы расстреляли. Но немцы-то с Крыма не ушли, немцы остались в Крыму.

36:00

Те, кто стрелял, этих детей, мальчиков, подростков, мужчин, девочек не стреляли, остались, эээ, КГБ наше или чекисты нашли этих? Конечно, нет. А почему не нашли? Почему? Да потому что Берия Лаврентий Павлович такой, он считал, хто находится в оккупации – враги, личные враги Сталина, личные враги и Берии. А между ними немцы тоже враги, и между ними стычка была. Я всем говорю, я служил в Германии, эээ, после войны, так нас каждый день строили. И вот немка приходит, кого-то сносиловали, кого-то хотели сносиловать, в кого-то что-то забрал кто-то.

37:00

И немка ходит и смотрит: вот этот, потом, не – не - не, вот это, а, не – не - не, а вот этот. Выберет такого, шо его выводят и стреляют наши. Доказано – не доказано, для нас это не касалось. Я говорил, эээ, за вот нашу разведку. Вот как-то я, потом я это... Наша разведчица, это Смерч назывался у нас в армии, Смерч. Смерч знало, я в туалет, я разговариваю с другом о чем-то, он знает, но он не знает, но он не знает, что тигры делают, немцы. Гроза всей нашей, это... Они не знают, что делают немцы в Фаусте, они не знают, что делают ракеты, бьют Англию и так далее, и тому подобное. Вот видишь как? Значит, там следили, не туда, в это...

38:00

Да, значит, этот, нет... Отступаем, короче говоря, здесь вот Советской Родине, такой ручеек есть, ручей, вроде озеро. На этой стороне озера, на этой стороне, две пушки стоят наши. Эээ, полковые называются, это уже я потом узнал, эээ, значит, полковые. 75-ти... 76-ти миллиметровые, вот, стоят у боевой готовности. И вот прорывается немецкий мотоциклист сюда, значит, одну пушку наши бросают, даже не стреляют. Вторую пушку подцепили лошадьми, и сюда, вот Портовое здесь, на Кураевку едут.

39:00

И там село Тельман было, Тельман, откуда вот эта, эта Волокитина, это рассказывала? (Да). За пушку не рассказывала ничего? Ну, она девочка, не, не это, в курсе дела, значит. (Не интересно ей было). Мы едем, мимо нас проезжает немец, этот, с мотоциклом, с пулеметом, два человека на мото... Пулемет, и он, и на нас смотрит так, и это показывает, назад тем, назад, но там-то ехать вперед и они... И знаете, что получается? Идет мотоцикл тихонько, это расстояние между ними, ну, 300, ну, 250 метров, и эти на лошадях наши, полный галоп. Не стреляют ни наши, ни немцы. Вот так параллельно, значит, это.

40:00

Это пушка на большом ходу разваливается колесо возле Тельмана. Разваливается колесо, они обрезают полсторонки, это, полсторонки, ну, это... Садятся на лошадей, и тикать. Мотоцикл, значит, разворачивается и опять... в это, в Ручьи. Там немцы наступают, и они туда. Ну, а нам что? Пошли до пушки. Приезжаем до пушки, смотрим, ага, затвора нету. Затвор, знаете, для пушки? Вот. А как же его называть, я забыл. Мы открываем ящик, 50 снарядов, ни одного не выстрелили, ни одного! Так лежат снаряды, так и это. Обратил внимание. Вот эти, когда тикали солдаты, когда тикали солдаты, даже никто винтовку не снял, карабин с...

41:00

На плечах оно так и было. Ты ж военный! Таними! Кстати, после войны Гударинан пишет, эээ, мемуары. И наши, значит, перевели на русский язык и офицерам нам дали читать. Вот что я читал там. Значит, он пишет, что, эээ, с субботы на воскресенье, значит, советские войска играют там, танцуют, они готовятся к переправе, немцы. Он пишет, даже не подозревали, что мы будем наступать. Ну, это пишет, когда мы в четыре часа пересекли границу, минуточку, да, пересекли границу...

42:00

Выехали на дорогу, выехали на дорогу, то с бок дороги бежала два советских солдата. Один в кальсонах, в гимнастерке, другой в брюках, но без рубашки, с винтовками. И когда мои офицеры с машиной хотели мне, эээ, в подарок первых пленных советских этих, выскочили с пистолетами, значит, да, то один солдат стал на колени, с колена, есть стрельба такая, с колена, одного убил и второго офицера.

Внучка. Здравствуйте. (Здравствуйте).

43:00

А.В. Убил. И я приказал вернуться всем, потому что они могли бы всех побить. Понимаете? Вот такое. Вот я вспоминаю вот этих, что тикали как эти, вот и это. Понимаете, вот такая? (А потом Вы вернулись к себе в село?) Да, потом вернулись к себе. Значит, немцы оккупировали, оккупировали, значит, вот здесь у нас одно, не рассказать вам, не могу не рассказать. Была у нас здесь женщина одна, женщина, лет 35, так чернявая, чернявая такая, худая, курила и ездила на велисапеде. Она работала, она работала, эээ, экспедитором райпотребсоюза.

44:00

Как я с ней познакомился? Мой отец работал заготовителем здесь до войны, до войны. (Здесь, это в Раздольном или где?) В Раздольном, в Раздольном. И он говорит: «Арканьч, придешь, сумочку возьмешь, - а тогда, когда это в советское время, то потрошка не ценились, - возьмешь сердце, печенку, там, домой кушать». И я с этой корзиночкой пришел к отцу сюда, а здесь, вот, где почта вот щас вот, в этом районе была. Значит, я пришел, значит, стою, они быка режут, эти бубыщики, бубыщики режут быка, да. Смотрю, подъезжает на веласапеде, эээ, эта женщина. Я не знал ее, не знал, да. Ну, не слезла с велосипеда, не слезла, а так нога, мужской велосипед.

45:00

Одна нога осталась это... Представляете как? (Да – да – да). Вот, ну, и, значит: «Антонович, - на моего отца говорит, - ты, - говорит, - херню какую-то спорол». – «Чё?» - «Та ты ж худо... заготовил какой-то, эээ, большевики

кушать не будут, большевики кушать не будут. А то, - говорит, - не для большевиков, для... рабочая столовая, для рабочей столовой». Ну, и так поговорили, поговорили, я понял, что она какой-то начальник, значит, таким тоном это. Я в кусты, в кусты, кусты, и ушел, ушел. Они там поговорили, посмеялись, покурили, она курит, покурили и разошлись. Когда она ушла, я говорю: «Папа, а кто это такая?» - «Это наш экспедитор, ты ее не бойся, она свой человек, свой человек, вот». И отступление сделаю, отступление. Значит, перед этим, перед этим у нас в Портовом, Сарыбоват назывался, был, эээ, погранпост.

46:00

И там был начальник, начальник погранзаставы лейтенант Иванов, Иванов. Значит, и я хорошо жену знаю, она выше его, у меня и документы там есть его, это, запрос я делал. Да, симпатичная женщина с Ленинграда, с Ленинграда. А как я ее узнал? Когда приходили они в тир, и мы, пацаны, тут как тут, нас гоняли, но он... И что интересно, что она стреляла лучше солдат и лучше офицеров, она стреляла. (Это жена лейтенанта?) Жена лейтенанта, да. И вот, что получается. Мы пошли собирать яйца на остров. Раньше много дичи, утки, это. Берем ведерочко, водички туда, нашел гнездо, яйцо. Поранила?

47:00

(Натерла, натерла). Новое, новое в этой. (Нет). Не надо новое! (Так это не новое!) Ты знаешь, что такое постолы? (У-у). Нет, не знаешь? Знаешь, да? Нам только в постолах ходить. Ну, это берешь ведерко, яйцо ложишь, потонуло, берешь, нет – на место ложишь. С зародышем, понимаете? (Да – да – да). Когда зародыш, то она подымается, и даже всплывает некоторое, а то вертикально становится, вот. Мы это, и вдруг три человека – пограничника на лошадях, и с саблями: «Стоп!» Ну, мы стали. «Чё ты бы! Диверсанты вы, ты – ты – ты». И нас под конвой туда, вот. (Это еще до войны?) Перед войной. (Перед войной, да?) Перед войной. И туда в это, в подвал закрыли. Приезжают, этот, лейтенант и вызывает по одному.

48:00

«Диверсанты вы, этот, ты – ты – ты». И не выпускает, а она говорит: «Иван Трофимович, - по-моему, его, - да выпусти, я их знаю, этих пацанов. Я ж знаю, шо ты голову морочишь?» Щас под видами, знаешь, такие, такой, эээ, ставил себе, что он, вокруг него, он токи нечестный, а вокруг него, это. Ну, потом позвонил в колхоз, и приехал не председатель, а какого-то прислали, член правления. И он выводит по одному. «Вот этого знаешь?» - «Та знаю». – «Зовут как? А фамилия?» - «Нет». – «В подвал!» Понимаешь? Вот такое, ну, ну, вы представляете, что это, вот. Ну, потом, в конце концов, потом ночью выпустили, выпустили, это. Но у нас-то зло на него, это, понимаете? (Ну да). Как это? Мы ж это, мы даже поможем тебе в случае чего, вот. Ну, ладно, ладно. Значит, за эту даму, за эту даму. Немцы зашли.

49:00

Перед этим наши моряки приехали, эээ, в Портовом сожгли шесть амбаров больших зерна. Соляру они залили, подожгли и, эээ, значит, здесь милиция была, сожгли милицию, сожгли заготконттору, сожгли, там шерсть была шо-то. И сожгли райпотребсоюз, склад сожгли, вот. И когда я дома был, пацаны приходят, говорят, бегите туда, там кое-что не сгорело, а кое-что сгорело, можно подлазать под это, понимаете? Вещи паками, паками. А пак не особенно-то горит, вы знаете, да? Вот, и мы, значит, сюда пришел, я убираю там. (Это в Раздольном, да?) Да-да. Вот здесь по нашей улице, токи дальше то. Я выбираю получше, и вдруг как закричит пацан, наверху был.

50:00

Я глянул: ё, эсэсовка! Капитан СС немецкий, в пилотке такая с плеткой, эта ж самая Жуковская, фамилия ее Жуковская. И что она говорит: «Сожгли, а теперь копаются!» И плеткой этого пацана, хлыстом. Ну, я ж-то сразу взнал, думаю, щас этот, за шкирку меня это. Я в сторонку и убежал, убежал. Это уже моя вторая встреча с ней, встреча, да. Ну, жили тяжело при немцах, немцы. Во-первых, колхозы они не разогнали, потому шо колхозы – самая хорошая, ну, как сказать, кладовая для государства. Бери, скоки хочешь, а

ответственности никакой, хоть все забирай, хоть часть, знаете, как это. Значит, переименовали токи – община называется.

51:00

Община, да. Вы пить, может, хотите? (Не – не – не, спасибо. Так, и что?) Так это токи начало. (Так Вы нам расскажите, как было при немцах). Ой, ну, это, значит, начали давать паек нам, паек по 15 килограмм. (Немцы?) Да, немцы давали паек, паек, да. Ну, а здесь я слышу, шо она, эээ, начальник карательной экспедиции. Разъезжает на машинах, всех коммунистов, всех, эээ, евреев, всех этих, и там колодцы, степные колодцы, стреляла сама и это, я видел колодцы эти. Кстати, у меня из Германии пришла эта, книжечка, ну, я шас поищу.

52:00

А, где, вам найду и покажу. (Да). Да, теперь, когда будет у нас перерыв, да. Это была вторая встреча, и тяжело было. Получили этот паек, он солярой пахнет. Мыли, стирали зерно, сварила мать, воняет солярой. А кушать-то хочется. Пошли с жалобой до коменданта, здесь комендант был. Вы сожгли, вы и жрите. Так сказал комендант. Не мы жгли, вы сожгли, вы жрите. Вот так на этом закончилось. Ну, хорошо, что я охотник, ружей нету, Сталин забрал ружьё, почему? Он боялся, шо против него выступят весь народ.

53:00

А вы знаете, немцы его как подковали перед войной, не это? Ну, для историков надо знать, вот я вам расскажу. Значит, чтобы немцы, эээ, как-то народ против Сталина шел, они пропечатали у Германии такую статью, шо в советское время в Советском Союзе, эээ, значит, когда кто приходит на работу, не имеет значение, пришел – не ушел, и... А у авансовую получку можно не работать целую неделю. Ну, это, просто они на удочку взяли. Когда положили Сталину, что, вот, видишь это, и он приказал за пять минут судить. А вы знаете, любой закон, он, эээ, обтекаемый такой.

54:00

И получилось так, что еду я на работу, эээ, сломался автобус, это не ихни проблемы, ты опоздал, пять минут, больше пяти минут – судили. И все тюрьмы, все тюрьмы, я помню, все тюрьмы забитые осужденными, вот. Вот это недовольство у него сразу проявилось, сразу проявилось недовольство. Эээ, много раз они подковывали это. Наша делегация военная приезжала в Германию на маневры, на это, приезжают назад, а им, эээ, по 10 тысяч марок перевод. Немцы, эээ, просто они его, он же не это, исследователь. Не мне пришло, вам пришло – за что? Вы понимаете? Вот как Иванова с... Представляете, суть?

55:00

(Да-да). Вот, и судили, и даже Рокоссовского посадили, и многих, эээ, расстреляли тысячи – тысячи – тысячи расстрелянных незаконно, не этот... Это щас реабилитируют их, ты – ты – ты, вот. Ну, это другая тема, вот. (Так эта вот ээсовка, она выдавала людей?) Не выдавала, она знала. (Знала, да?) Вот такой случай. У меня хороший знакомый этот, Шахрай фамилия, председатель сельсовета, нет, сельпо, сельпо. Хороший, у него, это, шесть или семь детей було. И он мне рассказывает: «Аркадий, нас собрала в Евпаторию она, коммунистов, она знала, кто выступал, она коммунист, на собраниях выслушивала, там записывала, эээ, память в ней это. И, - говорит, - нас построили человек 50 строем. Смотрю, выходит, Жуковская выходит, и за ней эти, эсесовцы, вот.

56:00

И она, значит, идет, значит, строем, этот. «Ты помнишь, говорил, что-то говорил, там, против кого, против...» Пек. И тут выводят три и быр с автомата. И кучи уже лежат, кучи. А со мной, - говорить, - шофер райсоюза был, ну, и говорит: «Иван Данилович, Иван Данилович, та мы щас домой». – «В чем дело?» - «Да, это ж моя любовница, я ж возил ее на машине, там, катал там, это, у защиту или куда там это...» И так, значит, она, видимо, заметила его, этого, косяка подавала. Да, он, значит, радый такой. И она, - говорит, - подходит ко мне, значит, вот этим хлыстом подбородок – тык.

57:00

«Ты, - говорит, - помнишь, - ему говорит, - ты помнишь, эээ, как ты обещал за, эээ, подписать облигации, тогда подписка какая-то принудительная была? - Понимаете? – «Да, - говорит, - помню, помню». – Ну, он хитрый старичок. – «Помнишь?» - «Да, помню». – «А что ты за это получил?» А он говорит: «А мешок этого, пшена». – «О! Молодец!» - Она на него говорит – молодец. - И переходит до, до этого шофера. И он, значит, улыбнулся, хотел что-то сказать, и она этот у рот ему, ручку у рот. Бек! И тут схватили его, он еще хотел рукой мне махнуть, и тут же расстреляли ее, его, этого жениха, или как его».

58:00

Как называется по-нашему? Ну, вы знаете, как он называется, вот. Дальше. Я начал ловить зайцев, и так удачно, удачно, значит. Эээ, петли ставлю, загоняем, и каждый день два-три зайчика есть. А зайчик – это мясо, это. Ну, там чего-нибудь натреть мать, супчик с мясом, и у меня друг был, почему-то не охотник, не охотник друг мой. Он сидит с утра до вечера, покуда я приду, и это... И он говорит: «Эээ, мне, пожалуйста, головку». – «Ха-ха, я голову собачке даю!» - «Нет, мне». Или то, что он любил, ну, я не думаю, шо любил, а просто не хотел обижать нас, видимо, и тут покушал, спасибо, и пошел домой. И я об этом, об этом...

59:00

Эээ, на фронте в окопах зачинщик был, я с ним воевал вместе. Эээ, ему руку отбило. Спрашиваю: «Алеша, как же это-то?» - «Ну, дома, - говорит, - у нас восемь детей». «Ну, - я говорю, - почему ты на охоту со мной не ходил?» - «А нету жилки охотничьей, понимаешь? Отец не охотник был, это». А охота, говорят, пуще неволи, или как это? Понимаешь? Что такое охота? Вы тоже себе не можете представить, вы не представляете. Грязь, дождь, идешь по полю, вот так вот в грязи 20-30 километров, ни за какие деньги тебе вот так прийти нанять, шоб ты прошел этот путь, не пройдете. А на охоте – с удовольствием!

1:00:00

И как на фронте помогло вот это, помогло, потому что и бежать надо, и отступить надо, и наступать надо, и это. Все вот это крестьянские дети, крестьянские дети, они выручали этих горожан, брали автоматы, брали это. Все равно он падает, как кисель, этот, знаете, ну, представляете себе, вот. На чем остановились, да? (А расскажите нам про колодцы, вот Вы не успели рассказать, что...) Про колодцы? (Да, что за колодцы?) Щас, щас, щас, щас расскажу. Значит, добьем ее, добьем ее. (Тетю?) Да. Значит, и вот однажды мы на поле, поле, смотрим, тачанка подъехала, тачанка, лошади. Она ездила на тачанке, комендант ездил. Посмотрели мы, три человека на тачанке. Поехали в Портовое. Ну, мы там ловили зайцев, смотрим, назад едут. Они запрещали нам, немцы, ловить зайцев, понимаете?

1:01:00

Думали, партизаны там это, вот. И однажды стреляли по нас, пуля здесь, пуля. Я говорю: «Шо они не могут попасть?» Мы не ложились, мы шли, а уже, когда я стал военным, я узнал, шо они пугали просто нас, стреляли рядом, понимаете? Они попали б в нас, ну, поугали. Тут пуля ударится, тут рядышком, это. Ну, мы тогда понимали, шо не могут стрелять что ли? Не могут? Совсем иначе понимали это. А суть – они пугали. Оттуда идет тачанка, четыре человека. И мы уже у дороги, метров 50, а тогда бурьяны были, там еще не пахано. Мы залегли, значит, смотрим. И надо же! Против нас останавливается тачанка! Против нас, вот-вот. Слазит, значит, Иванов, мы угадали: ага, блядь, попал! Тогда мы на него зло ж имели.

1:02:00

Попал? Слезли, комендант слез, и она повернулась к нам спиной, мы отсюда, нога за ногу положила, закурила, дала им сигареты, они закурили, этот комендант и это. И пошли вдоль там, эээ, это, Кропоткино там улица. Пошли-пошли, прошли, наверное, там, эээ, домик Дудниченко Алексея есть, а там окопы были, там это. Дошли туда, что-то они говорили, говорили, потом достает пистолет и стреляет. (Кто достает пистолет?) Комендант,

немец. И он падает. (В кого стреляет?) Иванова. (В Иванова? А его пленили, Иванова, да?) Не, его узяли в Портовом. Потом я расскажу, как он попал туда. (То есть, он как попал в плен?) Эээ, расскажу, вот. Значит, он попадает и хватает его за ноги.

1:03:00

Или просится, или это, или просто упал. И вот сверху достреливает его, и ногой сбрасывает его в это. Пришел и доложил ей, ну, я ж военный человек, понимаю, ей... Она кивком, все, сели и уехали. (Это комендант ей докладывал?) Да-да, комендант, комендант, оберлейтенант, старший лейтенант, а она по званию капитан. СС! СС у нас выш... у них вот это выше был, все, вот. И поехали, и поехали. Мы прибежали сюда, думали, живой - нет, живой, у голову попали, вот. И сбросили туда, в этот. Значит, как я колодцы эти видел. (Да, что там такое?) Значит, там была мельница, вот, село я не помню щас, мельница там, эээ, была еврейская деревня, 44й - 45й участок называлось. Деревни тогда раньше назывались, щас она Орловка, Орловка называется. Значит, поехали мы на мельницу, поехали мы на мельницу, а там ветряк стоял.

1:04:00

Знаете, мельница такая? Да. Приезжаем на мельницу, ну, покуда там учат сюда - туда, и мы побежали у эту, в балку там... Подошли к колодцу, а там запах, запах, ну, падаль какая-то, понимаешь? Ну, мы подошли к колодцу, Боже мой! Там и руки, и ноги, и видно это. Полный колодец, это, трупов! Ну, покуда мы рассматривали, там старики наши ж, кто были: «Не трогайте, не подходите, потому что ты - ты - ты... И вас постреляют, и ты - ты - ты». Там пугали это, вот. Где-то у меня есть книжечка, вот, а, наверное, нет, не найдем. (Ну, Вы расскажите, что помните тогда). А? (Расскажите...) Щас, щас, щас, щас расскажем. Вы не сильно спешите?

1:05:00

(Не, мы еще хотим слушать!) Так, дальше что? (Да). Как в армию попадал я? (Нет, Вы про трупы, а что говорили про эти трупы?) Ну, что

говорили, кто говорил? (Кто это? Что это за люди?) Ну, это евреи и коммунисты. (Ааа). Там рядом село, их два села еврейских. Она приехала, вот эта ж Жуковская. Приехала машиной, она ж там сто раз была, она к этой... экспедитором была и, эээ, везде она это ездила. И в эти полные колодцы при этом привозила и стреляла, их куда хоронить это? И даже не забросали землей, даже не забросали, вот. Здесь пишут и говорят, и я свидетель, я свидетель, никаких партизан здесь не было.

1:06:00

А если были партизаны, то они числились. Здесь убили это одного там, это Кима, может, знаете здесь. Эээ, так попал, как ребенок, вез оружие. Чё днем везти, куда везти, понимаете? Просто хотели что-то, шо-то, шо-то это, но ничего не получилось. Ничего не получилось. (Папку подать?) Вот, это отдельный, а вот отдельный случайный... Может, для вас неинтересно? А вот я написал, я написал, как здесь были партизаны, но наши не пропечатают, я, наверное, наверное, куда-то. (А, это вот это, да? Про партизан, да?) Пожалуйста, можете прочитать вслух. (Да, давайте. А это, эээ, для печати, да?) Да.

1:07:00

(Это Вы писали открытое письмо немецкой волне?) Да. (Это что? «Осенью 43го года немецкие войска отступают к Каховке и закрепились на Перекопе. Это ворота Крыма. До весны 44го года немцы удерживали рубежи на Перекопском перешейке). Почитайте, я выйду. (Крым окружен, все армии мира боятся окружения. Еще свежи воспоминания о Сталинграде. Зная о неминуемом крахе, солдаты вермахта стали задумываться о своем спасении. Об одном из таких солдат и пойдет речь. В начале апреля 44го года житель села Кропоткино Обозный Иван со своим сыном Андреем поехали на повозке к скирде за соломой. Сын Андрей решил забраться на вершину скирды и там обнаружил немецкого солдата. Он поднялся, сказал подростку «Гутен моргн!», и слез к повозке, с отцом Андрея тоже поздоровался и ушел в сторону моря, там, где камыши росли, километров за три.

1:08:00

В дупле, где прятался солдат, Андрей нашел сырой картофель и свеклу уже погрызенную. Видимо, пробовал. Село у нас небольшой, в миг все всё узнали. Вечером Охрименко Иван со своими друзьями нашли немца и привезли на сельское кладбище, стали его допрашивать. Ну, что мог сказать солдат-дезертир: Гитлер капут, пух-пух, никс и тому подобное. Переводчика не было, и, видимо, именуемые себя партизанами, не поняли, что солдат бросил оружие, бросил свою часть и ждал прихода красной армии. Забрав документы и фотографии, «партизаны» (в кавычках написано) застрелили дезертира. Когда узнали селяне, то стали возмущаться таким варварством над безоружным солдатом, на что Охрименко Иван, кличка Махно заявил, что он же немец, а немцев надо уничтожать. Возмущению жителей не было предела, все говорили, что спрятали бы его у себя до прихода красной армии. Жители села сожалели, что немец не попросил убежища у любого жителя.

1:09:00

Любой бы житель спрятал его у себя, и он бы остался жив. Но судьба распорядилась иначе. Те (в кавычках) «партизаны», которые ждали своей кары пос... при приходе красной армии, они просидели дома все время оккупации, более двух лет. Убийством дезертира они хотели хоть как-то оправдаться перед властью. Красная армия освободила нас, и «партизан» (в кавычках) Охрименко, встретив первого капитана проходящих войск, доложил об уничтожении его группой фашиста, то есть дезертира. Офицер, узнав подробности, выругал его по-русски, заявил, что на передовой надо быть, а не пленить дезертиров. Документы и фото обещал передать в штаб. Им он заявил, что свой героизм покажешь, когда в армию заберут. Пришлось срочно закапывать труп, тот, что все время лежал не захоронен для показа. Но пришлось срочно захоронить, сняв медальон с адресом. Собрав всех, кто жил в оккупации, командование без суда и следствия бросило на штурм Севастополя в начале 44го года.

1:10:00

Большинство бывших (в кавычках) «партизан» погибли. Иван Охрименко был тяжело ранен, ему оторвало руку. По разговору Вани примерно в 47м-48м году, немца перезахоронили в какую-то вырытую могилу. Я знал всю эту историю, видел труп, прикрытый бурьяном на краю лесозащиты. Уже в конце 50х годов и до конца его жизни я напоминал Ване о его (в кавычках) «героическом» поступке, и предлагал послать в Германию медальон, от чего он категорически отказывался. Говорил: «Мне очень стыдно, и Бог покарал, оторвало руку. И что я скажу родителям убитого солдата? Только сейчас я понял, что поступил подло и не по-христиански. Что меня толкнуло на убийство безоружного солдата? Дьявол попутал». Я ему ответил, что хотели этим оправдаться, просидев у баб почти всю войну. Все обещал мне дать медальон, но так и не дал, показывать показывал.

1:11:00

И вдруг внезапно умер. Жена тоже не знает, где спрятал в кавычках... в скобках эту улику убийства. Поиски продолжаю, ищу в старом доме, где он жил. Мне тогда было 17 лет, я все хорошо помню. А ненависть у меня появилась оттого, что мой брат и... два брата и отец были на фронте, а не разгуливали все это время. Часть свидетелей той трагедии тоже остались, это Обозная Любовь, Косырев Станислав, Мещун Надежда слышала. Очевидец всех этих событий, житель Крыма, 40 километров от Перекопа, основных кровопролитных боев за Крым». Ну, вот, а вот эти колодцы, где люди... людей убивали, что с ними стало? Там какой-то памятник поставили или что?) Ни в коем случае. (Почему?) Ни в коем случае. Я еще раз повторяю вам, шо советское время, советское.

1:12:00

Берия, Берия, Берия и Сталин, вот у меня 20 благодарностей Сталина есть, но для меня два Сталина есть. Есть варвар, бандит, дурак, и есть вождь, которого я десятки раз, идя в атаку... (Нет, ничего, ничего, сяду сейчас). Да, та я тут, тут. Десятки раз кричал «За Родину, за Сталина!» (Да). Вот, вот это я позже понял, когда уже... (Спасибо, да. Хорошо, да). Вот, позже понял, так

что для меня два Сталина существует, вот. Не они, они никакой, ну, как сказать, жалости, никакого участия, никакого не принимали, не принимали.

1:13:00

(Это кто, Сталин?) И Сталин, и Берия. Это два, два бандита, два бандита, не принимали. Они миллионы людей, вы знаете, уничтожили. (Ну, это же не... Оккупанты расстреляли евреев). Оккупанты. (И за что?) Ну, вы знаете, что, эээ, ну, вот, между нами говоря, вот между нами. Я как военный человек, военный сказать, вот редко кому удавалось быть на Перекопе, и когда брали, и когда освобождали. Я был, я был и тогда, и щас. Я же не дошел до этого времени, вот. Немцы были, немцы были один шаг до победы. Это я вам говорю точно, один шаг. И если бы они не стреляли коммунистов, не стреляли евреев, не стреляли пленных, не стреляли вот.

1:14:00

Больше ничего не надо. Они бы захватили до Дальнего Востока, ехали бы маршем с музыкой. Ведь когда, когда подошли немцы, вы ж историки, вы должны знать. Когда немцы подошли к Москве, к Москве, эээ, Сталин спрашивает: «Лаврентий, Лаврентий этот, почему немцы уже под Москвой? Где наша армия?» Но наша армия, вы знаете, сдалась. В силу не вооруженности, в силу разных моментов, в силу того, что Сталина не любили. Вот почему она, вся армия. Немцы, немцы не ожидали такого подарка, они не знали, шо давать, шо делать с пленными.

1:15:00

Ведь трудно найти, хто-то что-то написал об этом, также, да? (Да, да). Они не знали, что делать. И они вот это кормили плохо, да рас... распустили бы этих солдат домой, да и никто б ничего. И говорит: «Так немцы пьяные!» Лаврентий говорит: «Немцы ж пьяные!» - «А шо, мы не можем своих поить, шоб остановить? Давай приказ напиши!» И написали приказ, и нам стали давать по 100 грамм водки. И вот я всем говорю щас, и буду говорить до самой смерти, через 100 лет, через 200 лет раскопают нашего солдата и скажут, спиртное есть, знаешь, это... (В крови?) Анализ сделают, ну, ДНК

или шо там? Вот, вот. Ну, это не для, ну, как сказать, для смелости не может быть такое, потому что из-за водки погибло больше, чем...

1:16:00

Понимаете? Когда, ну, вы знаете русского человека, когда напоеется, он дурак дураком, а? (Да). Верно, да? (А почему евреев убивали, за что, немцы?) Это, значит, они такую... Нет, еще доскажу. (Да). Значит, он спрашивает Берию: «Как там это в тылу?» Ну, в тылу партизаны, шо? Запасли, в леса завезли, это в Крыму завезли, а татары грабили, а там-то не было татар. Сидять, пьют, бабы есть, это, это гуляют, все. И что он делает? Он говорит: «Пошлите в каждый город, в каждое село чекистов, и пусть убивают немцев. А за каждого немца, эээ, пятьдесят заложников за рядового, а за офицера – сто заложников. И вот они спустились на парашютах.

1:17:00

Идет по селу немец – пить, и тикать у лес. А кто? Заложники, не бросишь детей, не вбежишь же? (Да). Приходит к заложнику и таку... Сами сделали это, понимаешь ты? Недовольство. (То есть, получается, чекисты стреляли, а расплачивались местные жители?) Да – да – да. Да, это никто не проверит это, вот. И получилось вот такая, такая история. Значит, они, значит, чего не любили немцев, они просто придумали. (Евреев?) Нет. Во-первых, они чистую расу, расу хотели, чтоб токи немцы, немецкая раса была чистая. Вот чьи?.. Это просто выдумка такая, понимаете? (Ну да). Выдумка, вот. Значит, они, они, ведь Иисус Христос по национальности кто был? Еврей! Еврей! Они, они за то, что Иисус Христос...

1:18:00

Июда, Июда предал его, вот они выдвинули, ага, вы евреи, Июда, они не называли иначе. Вот выстроят солдат, там, сто человек, и они не ошибались. Вот я видел, и мне говорили, построят тысячу человек и скажут, выходи, выходи, выходи, все евреи. Не ошибались в этом, не знаю почему. (Вы так видели?) Да. (А где Вы видели, расскажите, просто интересно). Ха-ха, так я ж прямо не видел, прямо, прямо, потому что было это, просто вот. Вот таки

дела. (То есть, они по внешности узнавали?) Да – да – да. Каким-то образом, каким-то. (А вот скажите, в вашей дерев... Кропоткино жили до войны евреи?) Евреи? (Да). Нет. (А кто жили?) Ну, русские, украинцы. (Только русские и украинцы?) Ну, и татары. (И татары жили?) И татары, да.

1:19:00

(Ага, а в соседних селах кто жил?) Соседи здесь татары жили, евреев не было. Здесь вот татары были, вот и здесь, и здесь татары. Евреев у нас... А здесь в Раздольном немцы жили, немцы. Так что я в школу ходил, интернационал полный был. (Да? А это в школу, в школу Вы ходили?) В Раздольное ходил. (А, в Раздольное!) Там четыре класса кончал, а здесь это, здесь это немецкое село, Ак-Шеих называлось. Ак-Шеих называлось село это. Ну, это... (Извините, так у Вас в классе кто учился из ребят? Ну, каких национальностей люди учились?) Всех национальностей, всех. (Всех, да?) Значит, русские, украинцы, татары, немцы, евреи, и даже одна болгарка была. (Да?) Узон фамилия, хорошая такая девочка была, вот.

1:20:00

Значит, немцы расстреливали здесь, моего расстреляли знакомого, Степа Каракай. Он цыган, цыган тоже расстреливали. (Тоже?) С них толку нету, они не работают, токи воруют, немцы говорят, вот. (И вот этого парня, Вашего одноклассника?) Нет, он не, не это, не парень уже был, дети были у него. И с детьми с этими. (И с детьми, и все село?) Да-да. Значит, уничтожали они и евреев, цыган, и коммунистов, вот так. Ага, на ужин зовут? (Нет-нет, что Вы! Щас я, секундочку, секундочку... Да, нам про цыган тоже интересно, что это за семья была, расскажите о ней. Просто тут интересно, где это, нигде не прочитаешь). Вот, значит, здесь это...

1:21:00

Звали его Сережа, Палец Сережа. Значит, у него два было, эээ, значит, две девочки було, а он хотел мальчика. (Это цыган был?) А? (Цыган был?) Да, цыган, и цыганочка там с нами жила, значит. А вот я забыл, по-моему, Каракай фамилия его, точно не... Вот, Степа звали. Не, Сережа звали, а

девочку звали Степа. (Девочку, да?) Он хотел мальчика, а назвал Степа. И, значит, это перед войной ей было года три. Он грузчиком работал у райпотребсоюзе. Он работал грузчиком, значит, сосед мой, мой сосед, и мы на море выезжали.

1:22:00

Там у нас пристань была, и он за деньги брал эту девочку свою в море. Я не видел, чтобы в таком возрасте так плавали дети! Я, например, вырос на море, считайте это, я не видел. Даешь ему рубль, и он берет и бросает, высокая это, она ныряет там, выплывает. (И люди смотрят?) Да, и люди смотрят. (И деньги получает за это?) Да, да, да, да, да. И вот когда, когда немцы подошли, вот это Жуковская нашла его. (Цыгана?) Да, да, нашла, и вывезли куда-то. Я даже не помню, в каком районе. Я хотел книгу найти, у меня книга есть, я немецкой волне об этом все описал я. (И этот случай тоже, да?) Да, да. Вот это... она, они пропечатали, и мне две книги прислали.

1:23:00

Вот поэтому я и это... Когда я хотел пропечатать, наши не хотели печатать. (Ну, понятно). Ясно, что это? (Конечно). Потому что я с ними беседовал, я говорю: «Как это партизаны, она что хотела, Жуковская, то делала, все ее боялись, и партизаны, и партизанки, и все боялись?» И когда наши пришли, когда наши пришли, то она свободно уехала, свободно уехала, и не знают, где она находится. Никто не поймал, никто не... Даже никто не интересовался. Вот, видишь, как, как наши чекисты работали? (Да, а какую она форму носила? Вот Вы говорите...) Эсэсовскую. Черная форма, черная форма, значит, крест был у ней, железный крест. (На груди?) А? (На груди крест железный?) Да – да – да, здесь вот они носят, это, возле сердца железный крест.

1:24:00

Видели когда-нибудь железный крест? Вот, железный крест, значит, она, и всегда с хлыстом она ходила, вот. (Так это она выдавала вот это Сережи семью?) Да, дальше. (А Вы видели, как вот этого Сергея увозили?) Не видел.

(Люди рассказывали?) Это мне сказали. Приехали, ночью забрали, и где-то расстреляли, это, и с детьми. (А где, неизвестно?) И с женой, и с детьми. (Всю семью?) Да. Вот в книге, это, памяти, там, значит, моя тетя. Немецкий язык знала, она в немецкой деревне жила, тетя моя. Вот это, и вот наши партизаны, вот это ж горе - партизаны. (Ага). Предложили ей работать.

1:25:00

Предложили ей работать в коменданта, чтобы она слушала, что это. (Партизаны, да?) Да – да. (Горе). Партизаны слушать, что, что они говорят, какие они имеют цели, какие это та – та – та – та – та, вот. И она знала немецкий язык, поваром работала там. И вот одна уборщица, уборщица, фамилия ее Шешеня, Шешеня, а ее фамилия Шишова. (Тети Вашей?) Тети моей Шишова. Значит, доложила Жуковской, что она немка, мол, и специально работает, специально работает.

1:26:00

Вот она, Шишова Мария. (А, это Ваша тетя, да?) Да, тетя. (Шишова Мария). И сын ее. И вот что она делает. (Никита Шишов?) Да-да, это ее сын, моего возраста. И ее... (Это Ваш брат, получается?) Да-да, двоюродный брат, вот. Значит, что, что она делает, эта... Это ж разведчица, эта Жуковская. (Немецкая?) Да, и когда она шо-то там варит, она подходит и спрашивает на немецком языке, несколько раз спрашивает. И она просто автоматически ответила. Она автоматически ответила на какой-то вопрос шо-то.

1:27:00

И говорит, всегда она не в лицо говорила, а когда она занята чем-то ж, кашеварила там, она подходит, по-немецки что-то сказала. Ну, та просто не могла, по-немецки ответила. И ее сразу, эээ, забрали, сразу забрали. Значит, в Евпаторию отвезла она их, и сына, и сына забрали, вот. А второй сын, второй сын, значит, убежал, и в нас, в Кропоткино, это, потом в Германию уехал, в Германию уехал. Здесь это мои эти все родственники, вот она, вот это все мои, вот это родственники. (А, выделили Вы?) Да-да. (Голенков Алексей

Владимирович, Голенков Владимир Анатольевич). Да. (Погиб под Москвой, угу).

1:28:00

И вот она, зная немецкий язык, с этим, с часовым поговорила. (Тетя Ваша?) Да. Но он его не выпустил, ну, записку передал. И она подписалась не Шишова, а Шешеня, кто выдал ее. И куда ни жаловались, чекисты, эээ, никто не (Постучал по столу – А.С.), и умерла своей смертью вот эта сволочь. (Шешеня, да?) Да. И сволочь своя умерла своей смертью. (Она была из вашего села, или где?) Она, с Раздольного она. (С Раздольного, и она здесь прожила?) Да-да, проживала. (И ничего ей не сделали?) Ну, никто ничего, как доказать нам, как докажешь? Понимаете?

1:29:00

Если раньше, эээ, какому-то генералу руки крутили, шоб признался, это, это просто, просто халатно так это. Ну, освобождают нас, освобождают, значит, мене уже 17 с половиной лет. В военкомат вызывают, в военкомат, пришли в военкомат. Дошла моя очередь: «Фамилия!» - «Голенков Аркадий Владимирович». – «Год рождения, место рождения». – «25 октября». – «Иди, гуляй, попозже придешь. Кому 18 лет исполнилось – да». Ну, я стою, уже мои друзья в этот, в строю. Этот лейтенант пошел курить, капитан сел за его место, ну, столик, за столик. Я в очередь, стою. «Фамилия!» - «Голенков Аркадий Владимирович!» - «Год рождения». – «26й». – «Нет, время рождения». – «13 апреля». День освобождения Раздольного, 13 апреля – день освобождения. Я тебе... себе записываю день рождения, вот, в этом написано, вот. И с того времени вот это мне не 25го, а двадцать, видимо, эээ...

1:30:00

(Вы полгода, да, приписали?) Да, полгода, да, приписал. И это, значит, значит, у меня семь классов образования: «Отправить в офицерскую школу!» У семь классов, да, ну, потом собирали, собирали, отменили. Чего такое? В оккупации были, нельзя, как предатели, предатели. Да, ну меня отправили в

сержантскую школу, сержант. Я под Севастополем был сержантом. Значит, присягу приняли 1го этого, эээ, мая 44го года, а 2го мая погрузили в машину, и под Севастополь. Значит, эээ, начали штурм, штурмовать Севастополь.

1:31:00

Но еще не штурмовали, мы бго числа начали штурмовать. И я, ну, будучи пацаном, но уже сержантом, я, эээ, понял, понял я, что наша команда, моя, под Севастополем так боялася это. Инна!

Внучка. А!

А.В. А не знаешь, где книга немецкая эта?

Внучка. У тебя в комнате была.

А.В. А, ну, посмотри.

Внучка. Щас.

А.В. Она такая зелененькая.

Внучка. Голубая!

А.В. Они боялися, боялися, что немцы раньше сдадутся, капитулируют, чем начать. Вы понимаете суть? Суть. (Штурм, чем раньше штурм, да?) Да. Им надо штурмовать, нам надо штурмовать. И вот, когда я бываю... В Сапун-горе вы были? (Да, да, много раз). Я задаю ему вопросы, гиду, немцы не могли взять, они не хотели брать, это не каждый знает это.

1:32:00

Немцы не хотели Севастополь брать, это мышеловка, так как это малая земля. Представляете себе, вы не военные, я ж военный человек. Двенадцать километров в длину и три километра простреливается. За ночь привезут пополнение, за день убивают. Мясорубка обыкновенная, самая настоящая мясорубка. Ночью прибывают, а днем уничтожают. И такой героизм какой-то, понимаете? И вот я задаю вопрос: какая цель была брать, штурмовать, штурмовать? Это не что-нибудь штурмовать, эээ.

Внучка. Щас я отнесу и щас я приду искать.

А.В. Это какая цель была? Окруженный Севастополь, ближайший фронт в Румынии или в Молдавии был, помощи немцам ждать неоткуда, да?

1:33:00

Немцы народ умный, как под Сталинградом они могли бы недельку-две и все, и подписали. И вот этот момент наши боялись и быстрее начали штурмовать. Ну, что, Валечка, я в штурме не участвовал, я участвовал, когда они прошли, это, прочес мы делали. Где остались раненые, где остались при, при, это, эээ, замурованные немцы, где это, понимаете? Такой вот. Ну, потери тоже были и с нашей стороны, потому что он раненый где-то в живот, он знает, шо он умрет, он стреляет и, знаете, шоб больше вреда сделать. И наши, значит, очень, ну, как сказать вам, эээ, кичились этим, что штурмом. Левитан, вы знаете слова Левитана, еврей: «Штурмом овладели!».

1:34:00

За этим штурмом сотни тысяч похоронок пошло, их можно было свободно не иметь. (Да-да, страшно). Штурмом! Какой матери, эээ, скажи, если штурмовать или не штурмовать, понимаете? Ну, я нигде, ни в какой книге не вижу хотя бы ж намек на то, что это, вот. (Где-то я встречала, что это был... Что можно было штурма избежать, да, Сапун-горы?) Я не встречал. (Вот где-то, я не вспомню сейчас, очень кратко так, так кратко в современной литературе, или статья). Да, вот. Да, дело в том, что, видите, ну, Сталин сам же он бестолковый, он не то, что... не то, что... (А, вот она, да?)

Внучка. Она?

А.В. А? А, по-моему, нет.

1:35:00

Внучка. А как?

А.В. Еще одна.

Внучка. Больше не было.

А.В. Как больше не было?

Внучка. Я не знаю, какая еще.

А.В. Это легенды и факты, а то...

Внучка. А та какая?

А.В. Тоже точно такая... Я скажу уже как военный человек, такая белиберда, страшно, страшно. Придумать, дурак! Дурак так бы не сделал, а то маршалы, генералы. Десять рядов шеренга в цепи. (Людей?) Да, военных десять встали и пошли. (Это на Сапуне?) На Сапун-гору. А вы знаете, ярусная, многоярусная, первая цепь, я наблюдал, сразу первая, вторая цепь сразу, как камни лежали по этому.

1:36:00

Это дошли, ну, ну, десятый, может, час. Может, может, десятый час, кошмар! Токи дошла, на таком неудачном месте наступа. Вы не были там? (Я была на Сапун-горе). Глянули сюда, на сторону Балаклавы? (Да-да, там, где очень красиво, очень). Ровненькие, представьте себе, идти туда на это. (Ну, там же еще в несколько рядов было, да?) Да-да, ой, страшно! (Ступеньки). Страшно! Ну, значит, кончается, Севастополь сдают, мы прочесываем, прочесываем. Левитан объявляет: «Штурмом овладели!» Вы слушаете это? (Да – да - да, спасибо (Угощают чаем – А.С.)). Штурмом овладели, вот.

1:37:00

Такая радость, такая этот, скоки там этих салютов, сколько этих. И меня отправляют в Первый Прибалтийский фронт, эээ. Командующий Баграмян Иван Христофорович, маршал Советского Союза, по-русски не разговаривает. (Ха-ха). Моя здесь, твоя там, моя сидит, твоя стоит. Кто понял, живой остался, кто не понял, все погибают. (У меня 12 минут осталось. – У меня 33. – Я буду слушать). Вы смотрите «Жди меня»? (Иногда).

1:38:00

Иногда, вот как-то была передача, это несколько лет, четыре-пять год назад была передача. Один капитан Советской армии, фамилия его Доценко, Доценко находился в Канаде, в Канаде, и когда наша делегация приезжает туда в Торонто, им говорят: «Есть вождь, вождь, вождь какого-то народа, эээ, он по-русски и по-украински разговаривает, и...» Ну, короче говоря, герой Советского Союза. И наши делегации туда ездили к нему,

знакомились, это, фамилия его Доценко, значит, вот. И моя дочка старшая говорит: «Папа, помнишь, ты нам рассказывал, что освободил одного капитана, героя Советского Союза?» Я говорю: «Помню». – «Так позвони».

1:39:00

Я беру трубку, звоню. «У Вас платный?» Я говорю: «Конечно, платный телефон». – «Ну, мы позвоним». Звонит эта Кваша: «Расскажите!» Я им рассказываю, я служил в танковой части, значит, и вот, когда мы зашли в Берлин, зашли в Берлин, эээ, то фаустники, знаете, что такое фаустники? (Нет, расскажите). Это новое оружие, гранатомет, который... (Это у немцев было?) Да, придумали немцы, они за один год уничтожили больше танков, чем за всю войну всеми видами оружия. Это такое оружие, что, эээ, не считается, ни танкисты, ничего. У него сгорают все у танке. Щас в Чечне это они используют, тактика, тоже дураки, шо и щас есть у армии.

1:40:00

Слышали, вот тут в затылок стрелял какой-то вчера или позавчера? (Нет, мы вот эти два дня не смотрели). Украине, вы ж на Украине живете? (Да, конечно). Какой-то дурачок выстрелил солдату, во. Я звоню: «Расскажи!» Я говорю, так и так, когда зашли мы в это, доложили Рокоссовскому, что бьют, нельзя в городе, нельзя танки. (Это где, в Севастополе?) В Берлине! (А, это уже в Берлине?) Нельзя, а он говорит: «Отменить танки! Не пускать у город!» (Вы брали Берлин, да?) Да, не, я не брал, мы токи зашли, начали жечь танки, ничего не сделаешь, они ж хитрые. Так это, идет по улице танк, они сожгли этот, идет второй, не здесь, не здесь, а токи напротив они сжигают, и два танка закрывают улицу. Все, немцы воевать умеют, мы считаем их дураками, вот.

1:41:00

И нас... туда, на Гамбург отправили. Вот, и вот я на танке, значит, еду в это по проселочным дорогам. И вдруг нас обстреливают, обстреливают, значит, немцы. Ну, мы высадились, начали наступать, там победили кого, и это у... И меня поранили, руки. Подходим, большое здание, ангар

называется. Знаете, авиационный ангар, и оттуда выходит у белых халатах. Я подхожу к ним, говорю: «Гутен моргн!» Немке – гутен моргн!.. Что за аппарат? (Это? Ну, плеер, диктофон). А? (Плеер, диктофон). О! Не записываешь ты? Нет? Э, напрасно!

1:42:00

(Вот, я записываю). Вы забудете! (Я записываю). А? (Я записываю). Записываешь? (Вот микрофон, да. Я просто смотрю, что у меня здесь уже времени не осталось).

Golenkov2_pf20

Конец войны. Щас немцы хотят как-то смягчить это, чтобы... Поэтому его не тронули, это в то время, я тогда говорил, оно, наверное, так оно и было, потому шо эти б никогда не... солдат не взяли б... пристрелили б это. (Ну да). Конец войны, они хотели... (В своем же госпитале, да?) Да, хотели... (Тогда получается, немцы и наши были солдаты?) Да, да. Ну, вот тут последний этот... (Включила, да? – Угу. – О, хорошо!) Последний самолет вылетает, значит, и мы не опаздываем. Мы опаздываем, ну, что? Это я все говорю, на второй день – повторите. Я ему рассказываю тоже самое, да. Ну, и растерялись или шо-то там, да. «Хорошо, Вы не против, мы пришлем съемочную группу». Я говорю: «Пожалуйста!» («Жди меня», да?) Да, сюда, вот сюда. Они здесь вот сидели, вот это аппаратура была тоже, заставляли меня одеваться, раздеваться.

1:00

(Ха-ха). Ну, я там, я не возражаю, ну, через неделю, наверное, приезжают. Откуда? Из Симферополя? Они попросили с Симферополя, чтобы это. (Ага, группу). Приехала эта, аппаратуру сгружает, там ставят, соседи пришли: «В чем дело? Что это? Караоке ограбил или что?» - «Да никого не ограбил!» (Смотрите «Жди меня!», да?) Да, они аппаратуру сюда это, зашли сюда, значит. «Дедушка, оденься!» Я оделся, значит, это, ну это, рассказываю, я рассказываю вот это, как вам рассказываю, значит, да-да. Вот,

рассказал, потом: «Выходи на улицу!» Вышел на улицу, смотрим: «Возьми цапочку, поцапай!» Если, как ветераны живут, эээ. Это кролик у меня был: «Кролика возьми на руку!» Я взял на руку, беленький кролик, пушистый. Эээ, покормил кролика, вот курей покормил, сюда – туда, да.

2:00

«Ну, мы пленку пришлем!» Ну, я этот, соседи ждут, когда ж будет, смотрим это, нету, нету, нету. Звоняць мне: «Аркадий Владимирович, извините!» - «За что?» - «Запретили нам дальнейшие эти». Я говорю: «А почему?» - «А он числится изменником Родины». Я говорю: «Каким образом?» - «Ну, нам КГБ, значит...» (Это в России, да?) Да. «ФСБ представило документы». Ну, я говорю: «Когда, как сбить, как собьют, значит, уже он предатель?» Понимаете? (Ну да, дуристика). Я ему говорю: «Вы знаете, как это было, могло получиться?» - «А расскажите!» Я ему рассказываю, я видел несколько раз вот такую процедуру. Он мужик неглупый, неглупый.

3:00

Когда пришли наши чекисты, да сразу они его отдубасили без допроса, без, шоб на будущее он отвечал. Вы понимаете мою мысль? (Да, да, да). Во! Он не будь глупый офицер, да ночью, видимо, солдат, да в лоб дал солдату или просто сказал, я пойду оправиться, или что-то, а мы стояли, это, американцу 12 километров. Эту дистанцию он свободно прошел. Летчик знает, куда, что, как, где, где наши, где ваши. И, таким образом, он попал в Канаду. В Канаде он женился на, эээ, дочери вождя узкоглазого какого-то. Вождь... (Индейца, наверное). Да, индейского. Вождь умирает, он остается место вождя.

4:00

У него, значит, два сына, два сына разговаривают по-русски, и по-английски, и по... вот, вот. Щас он к этому времени он умер. (Ммм, так и не удалось, да, вам с ним?) Да, вот. Я им говорю, вот, как это могло быть, случиться, вот таким образом, потому что, знаете, эээ, военное... Вот один

эпизод расскажу. Значит, офицеры, офицеров, вот я 13 лет прослужил, я одного офицера видел нормального. Вот, или не везло так, или нет. Сидим мы в окопах, приходит замполит, капитан Епифанов, Епифанов, если живой он, дурачок.

5:00

Спрашивает: «Шо вы сидите?» - «А что мы должны делать?» Солдаты, что мы должны делать? Приказа нету. Спрашивает: «Что за день сегодня?» Кто говорит, пятница, кто суббота. «Какой хрен пятница, какой? День рождения Сталина!» 18 декабря или какого-то. Ну и что? (Ха-ха) «Ну и что же делать?» - «Надо подарочек какой-то» - «Какой?» - «А вот эту сопочку возьмите». О! Под мухой, хорошо под мухой, даже сопку не мог выговорить. Да, ну, что? Организовывай давай, в атаку, вперед! Ну, немцы перебили, человек 20 осталось с роты, ну, и отступили. «Вечером трупы заберете там!» Раненые, вечером. И пошел спать он, капитан Епифанов.

6:00

Я еще хорошо запомнил почему, потому что, эээ, всех награждали, а меня не наградили. А солдат говорит: «Товарищ капитан, а почему Голенкову не, сержант он, командует же это, не?» - «А вы знаете, шо он немцам сапоги лизал?» - «Как лизал?» - «Он же в оккупации был, шо вы не знаете?» А потом мне присвоили младшего лейтенанта, вывел я роту с этого, с окружения. Ну, хорошо, что я не одел по... по... не одел младшего лейтенанта. Вызывают меня чекисты: «Так ты ж чего обманул?» - «Кого обманул я? Шо у меня спрашивали вы или что?» - «Ты ж в оккупации был?» - «Да». - «С 41го по сорок...» (Ну, а куда деваться?)

7:00

Ну, куда? (А Вы не помните, вот оккупация, а можно было Вам эвакуироваться?) Это... (Ну, перед, вот, когда началась война, была возможность уехать?) Я рассказал вам, во-первых, эээ, не имея ни копейки денег, раз, не имея куда ехать, два. И наша транспорт, или как сказать, это, не мог, не в силах вывезти был, это. (Ну, а бывали такие люди, которые все-

таки, которым удавалось уехать. Ну, например, евреям). Да, да, вот богатые евреи уехали, но заранее, заранее, кто еще чувствовал это, понимаете? (Еще заранее?) Да, пораньше. Те могли успеть, успеть, а так, когда уже немцы поняли, что бегут все, они блокировали.

8:00

Большинство желающих уууплыть с Крыма, остались на дне Черного моря, большинство. Также из Севастополя, также, этот, и госпиталя топли, и «Червона Украина» потопла, и много. Я не помню щас кораблей, которые нагруженные были ранеными, не говоря уже это, их просто вывезли для того, чтобы немцы это. Эээ, что я хочу сказать, воевать не умели, не умели, и щас не умеем. Вот моя жена, я показывал фотографию? (Да). Она партизанка! (Да?) Она партизанка, она, значит, она говорит: «До того немцы умели воевать!» Я говорю: «Ну, ты ж партизанка, как это?»

9:00

Я говорю: «Каким образом ты определила?» Она говорит: «Немцы начали прочес, приехали машины, мы ж наблюдаем с гор. Сгрузились, начали наступать, гнать, гнать нас. Пришел вечер, остановились, другие машины пришли, эти ушли отдыхать, этим это, а нам-то отдыха нету. Целую ночь гнали, утром могли наши, ни один генерал, ни маршал не мог бы так придумать». Вот не мог бы так придумать, чтобы, потому что первый бой, у меня был первый бой, это был под Витебском.

10:00

Мы идем, идем ночью: «Стой! окопаться!» окопаем, каждый хочет быстро выкопать окоп и лечь отдохнуть. «Вперед! Стой! окопаться! Вперед! Стой! окопаться! Вперед!» И уже утром, когда «Стой! окопаться!», вот она вам окапаться. Кто, как был, упали, немцы перебили всех. Я, я говорю, что это все... (Ваш первый бой, да?) Да-да, это первый бой мой. Это ж надо додуматься до этого! А потом командир, я не помню его фамилия, по-моему, Мирошниченко его фамилия, я спрашиваю его: «Товарищ старший лейтенант, и как же это?» - «А я боялся, чтоб не уснули.

11:00

Работали ж, не успели». Я говорю: «А скоки погибло?» - «А новых дадут». Новых солдат дадут! Так они все думали, так они все это, вот так. (А вот Вы помните во время войны вот, вот эта женщина, эсэсовка). Да. (А еще были те, кто сотрудничал с немцами, изменники?) Ну, я так... (Ну, старосты, полицейские какие-то были?) Были. (Что за люди были?) А нормальные люди. (Да?) Они хорошие люди, но они, их делали врагами. (А как это происходило?) Как это происходило, вот я вам объясню. Значит, вот здесь у нас, у нас, у Кропоткино, был староста, полицейский Филин, Филин фамилия. (Филин?) Филин, Филин. (А, Филин). Филин, Павел Филин, и староста Будник.

12:00

Значит, немцы приехали: «Вот, выбирайте себе». Ну, полицейских они назначали, немцы назначали, эээ, сын кулака, или подкупали, или судимый ты был при советской власти. Полицейских! А староста, староста выбирали народ, и вот староста у нас Будник, вот я его хорошо знаю, дедушка Будник. Будник, он говорит моей матери, говорит: «Ты ж смотри за сыном, у тебя все на фронте там, - они ж, мы не знали, что погибли. – Смотри, завтра будет облава». Ну, я там сделал с такой, прятался я, прятался.

13:00

Вот, значит, никому он плохого ничего не сделал, токи за то, что он староста, народ выбрал его, его расстреляли. (Расстреляли?) Всех! Всех! Ну, этот связь с партизанами имел, полицейский, его оставили. (Это кто имел связь?) Филенко. (А, Филенко). Да. (Его оставили?) Да, а Будник, Будник - дедушка, расстреляли. Их многих расстреляли, всех расстреляли, не, не спрашивали, ведь народ их выбирал, шобы как-то жить, как-то это. И они оказались врагами народа, тем более, шо он помогал, не давал, это, у Германию... Ну, мешал, мешал это. Ну, им не докажешь, ничего не докажешь. (А до войны вот этот дедушка кем был?) Он, этот, по-моему,

строителем был. (Строителем?) Никакой он не предатель, это просто Сталин делал с любого предателя, с любого.

14:00

Можно сделать? Можно! (Ну, он умел!) Так, шо я еще... (А у Вас не было таких случаев, чтобы прятали евреев или цыган, спасали, вот, когда за ними охотились?) Вы знаете, вот в этой, вот этот, женщины вы были? (Да). Она ничего не говорила вам за евреев? (Ну, немножко рассказывала). Что она вам сказала, не помните? (Ну, у нас записано на кассете). Записано? (Да, на кассете. Вы лучше сами расскажите, надо разные, чтоб люди рассказывали). Это, нет, это, значит, один еврейчик, по-моему, его Саша звали, фамилия не знаю. Когда расстреливали, я не знаю, откуда, но говорят, что с Новоселовска. Здесь, в Новоселовске еврейское вообще село вот было. И он убежал, кто-то знакомый был здесь. (В Раздольное убежал?) В Тельман здесь, где вот эта жила, Тельман. И он там полгода побыл, полгода, и я с ним знаком хорошо, и он приходил на вечеринки, на танцы.

15:00

Такого, 15-16 лет было вже это, такого, нашего возраста, чернявый, красивый этот парень, вот. Значит, что я слышу, кто-то его выдал, кто-то его выдал, и комендант приехал за ним на легковой машине. Я видел, когда легковая машина туда подошла, его забрали, и здесь, где школа у нас, кладбище было, он его расстрелял. (На кладбище?) На кладбище расстрелял. (Это школа на месте кладбища?) Да, да, да, школа эта, 1я школа на месте кладбища. Значит, кто-то из селян, кто-то из селян его выдал, а зачем, почему это. Вот я за Иванова не досказал вам? Не досказал, как он попал? Значит, когда немцы начали наступать, они уехали в Черноморск, вот этот лейтенант Иванов.

16:00

И там, значит, окружили их, и они разбежались по домам. В войну вдовушек было полно, и молодые, и красивые, и богатые, и бедные, и, эээ, вдовушки, вдовушки есть. Вот он к какой-то вдовушке пристал, это я с

разговоров, это, пристал, и он жил там в Черноморске. Ну, видимо, сказал, что я там оставил шо-то, оставил вещи, оставил мебель, оставил. А здесь-то ее растащили, когда он уехал, немцы пришли, и он приехал за вещами. И кто-то брякнул, и приехала Жуковская, а Жуковская его знала хорошо, эээ.

17:00

Приезжала к нему туда на заставу, ходила по заставе, ходила это. Они ж, знаете, шпионы ж умеют это все делать, вот. И она приехала, и он как... лицо... Короче говоря, за тряпки погиб, погиб. (За тряпки, да?) Его сделали героем, погиб в неравном бою, или шо-то такое. (В неравном бою?) Да, да, в неравном бою шо-то погиб, здесь его перезахоронили, вот. (А Вы немецкий учили, да?) Да. (А Вы не помните, немцы какие-то листовки развешивали? Газеты какие-то были?) Да-да. (А что были за листовки?) Ну, я не помню. (А вот про этих...) Значит, учитель у нас был, Эмель Яковлевич: «Учите немецкий язык, ребята, учите, думайте». (Да сейчас английский учат в школе). А так не, я немецкий тогда...

18:00

(А, это он Вам говорил?) Да-да, вот, листовки, листовки. Листовок много было, но просто по своей дурости, по дурости я не собирал. Щас бы они такую ценность имели! (Да). Имели бы! Во-первых, расскажу, расскажу, значит, я видел, лично видел, когда кто-то попросился у музыкальный взвод, то комиссар построил солдат и делал обыски, листовки. Значит... (Это немецких солдат?) Наши солдаты, наши солдаты прятали листовки. (Немецкие?) На этой листовке на русском языке: «Граждане, это, солдаты Советской армии, вас Сталин предал, вас комиссары предали, вас, этот...»

19:00

Ну, они правду писали. «Предали, поэтому бросайте оружие, стреляйте комиссаров, стреляйте, это, и переходите». И там унизу такой квадратик был, на немецком языке: «Пропуск». Если он с этим перейдет границу и даст ему листок, они, наверно, немцев предупредили. На немецком языке написано, шо этого гражданина, который обратился к вам с этой листовкой, значит,

никаких, эээ... отправить его... И этот комиссар, значит, вытрусивает: «Та мне курить нечего, та – та – та, я курю». Понимаете? Ясно, ясное дело. Ну, я лично видел, я лично видел.

20:00

Вот, когда я по окопам ходил, смотрю, мешок лежит, смотрю, лежит винтовка, а самого солдата нету. Значит, он уже там, уже перешел, уже перешел. Вот здесь эта 51я армия была, 51я армия... А вы читать когда будете? (Книжку эту?) Не, не книжку эту. (Кого?) А вот это всякие, писанина. (А можно мы их сфотографируем?) А? (Сфотографируем их?) А шо, получится? (Получится, такой фотоаппарат, что я потом через компьютер смогу читать). А, ну, хорошо. (Чтоб мы на это время не тратили, лучше Вас послушаем). Правильно, но, по-моему, там главное, вот. (А то вот я, у меня...) Ну, я тогда скажу за капитана этой... (Да, давайте). Это, знаменитый капитан Епифанов, а у меня было, у меня было в взводе три, три этих, штрафника.

21:00

Рокоссовский принимал всех штрафников, а штрафников было. Это то самострелы, то матом послал этого, это, сюда – туда, туда, да. Понимаете? И вот у меня три человека. Значит, одни Высоцкий был, фамилия Высоцкий. То, что из-за артиста я его запомнил, так? Ну, забыл остальных я, да. Это три солдата было у меня таких. Ууу! Шустрые-шустрые. Эээ, после войны я использовал ихню шустрость для обучения солдат своих, вот. Когда мы, значит, отступили, мы взяли сопку, потеряли... Ну, это, есть время у нас? (Да, просто у меня три минуты осталось, а у тебя? – А у меня, у меня еще полтора часа. – А, отлично).

22:00

Вот, ну, это, забыл фамилию, значит, один Высоцкий. Ну, вспомню, потом скажу. Значит, двенадцать часов ночи, прибегает, будит: «Товарищ сержант, идите, сопку берите!» Я говорю: «Как так?» - «Мы взяли уже». Ну, я подымаю своих солдат, вперед, вперед, вперед. Приходим, блиндаж, в

блиндаже семь трупов лежит немцев, да. Бардак такой, знаете. Мы заняли оборону, значит, радые – ууу! Я говорю: «Каким образом?» Пить хотели, обошли, а там, эээ, немцев, всего, всего было. Мы гранатами забросали их, шмон наделали и пришли, пожалуйста, доложили мені.

23:00

Ну, мы радые до утра, а утром как начали наши бить по этому. Доложили, что мы не взяли сопку, большие потери, хто-то доложил, наверное, по телефону это, и немцы начали бить по нас. (О, кошмар!) И почти до обеда мы это под двойным огнем, да. Масловец одного, Масловец фамилия это еще, забыл. Вспо... Дудин, Дудин. Ну, это, сообщает этот, перебили, перебили. Еще раз перебили! Все, ну, сопка за нами осталася. Значит, вот за этих ребят, я еще раз скажу. Значит, заняли мы оборону в другом месте уже, заняли оборону, да. Приходит солдат один, говорит:

24:00

«Вы знаете, там это на чужой территории, не на нашей, там машина немецкая разбитая, и там, это, тушенка. Вот я взял две баночки, часовой стоит». Это услышали мои друзья, приходят: «Товарищ сержант, дайте вашу эту, шинель!» Я говорю: «Зачем?» - «Надо, сфотографироваться хотим». Ну, я ж не в курсе дела: «Возьми шинель, сфотографируйся». Через полчаса приходят, полные сумки этого. Я говорю: «В чем дело, ребята?» пришли, а там часовой, а он привел два еще солдата на смену: «Старшина послал подменить тебя!» - часовому говорит. Молодой солдат, старшина чужой, стоит часовой: «Стой! Старшина послал!» - «Шо такое?» - «Сменить. Ну, - говорит, - сказал, возьми и пару банок ему занесешь, старшине». Ну, этот пошел, забрал пару банок, старшине понес.

25:00

Эти набрали, скоки надо, и тех солдат, хто мимо шел: «Заходи, бери!» Чужое ж. (Ну да). Набрали, пришли, ну, представляете себе? Пришел солдат, которого старшина послал на пост, и говорит: «Товарищ старшина, Ваш приказ выполнил!» - «Какой приказ?» - «А Ваш». Какой этот, представляете,

что это? Ха-ха. Ну, эти пришли солдаты, поделили, но там кое-кому не хватило. «Где вы брали?» Там и там. Пошли, вот она, то уже два часовые стоят, уже старшина тот послал на это два часовых. И вот, ну, я вам не говорил. Значит, уже впоследствии, впоследствии, меня вызывают чекисты, значит, и: «Ты, - говорит, - спаиваешь солдат своих». Я говорю: «Чего?»

26:00

«А ты отдаешь свою водку». Я говорю: «Да, я не пью». – «Ну, и вылил бы, вылил бы». Я говорю: «Как вылил? Продукт как ни есть». Солдаты ж то, ну, сто грамм, я ж не спою, а для них это лишь бы повод был, вот, вот. Ну, уже намного позже, когда я вже стал офицером, подходит ко мне солдат и говорит: «Товарищ лейтенант, скажите, пожалуйста, шо какой Вы веры, какой Вы веры?» (Веры?) Веры! Я говорю: «Ну, коммунист я, какой я, никакой, не верую это, - говорю. – А чего Вы спрашиваете?» - «Та солдаты послали». – «А чего?» - «Та Вы не пьете, Вы не курите, а Вы не материтесь, а Вы, а Вы не то, а Вы не то. Думали, баптист какой». И вот я за этих штрафников, штрафников, значит. В роте моей я вижу, шустрые такие, шустрые, я их ставлю за противника.

27:00

Запомнил я этих штрафников, почему их не это? Вот завтра бой, завтра бой, там молятся это, те талисман свой, это, мусульмане. И оказывается, оказывается, в первую очередь убивают тех, кто молится. А вы знаете, почему? (На Бога надеются, да?) О! Правильно, правильно! Ну, я по... Я не знаю, вы верующие, или нет. Я считаю, что Бога нету, это люди придумали Бога, люди, сами люди. Когда тяжело жить, когда на них нападали, когда... Верно, да? Если б Бог был бы, Бог был бы, Бог был бы, мы б, конечно, так не жили, верно? Мы б умные были, мы бы это. А то чё такое?

28:00

Этот токи Адама и Еву сделал, они уже не послушали, а мы требуем, шобы нас слушали, да? Бога не послушать, а мы требуем, чтобы это. Я вот верующим говорю... Это ничего, что за веру начал? Значит, верующие ко

мне часто приходят, я, значит, к старости лет я должен уверовать в Бога. И я батюшке сказал, говорю, эээ, по Библии... Он у меня Библия есть, даже покажу. (Я что-то удалила, и у меня еще сорок). Вот эта Библия. (Да, угу). Вот, я читаю ее, я читаю, но что, что я отсюда взял, взял. Вот эта Библия, вот эта Библия, это характеристика нашего Бога, если он есть.

29:00

И характеристика очень нехорошая нашего Бога. Не знаю, как вот у этих мусульманов молитва, я не знаю, я за нашего Бога говорю. Здесь написано, что Бог потопил, вы знаете, потоп сделал, все живое, все живое. Ну, человека ладно, провинился, а скотина, а это. Здесь написано – все живое потопил. Я у верующих спрашиваю: «Дорогие мои, как Бог имел ввиду разводить народ, ведь Адам и Ева, у них что, дети появились, они что, поженились друг с другом?» Верно? Во всем мире запрещенность, так же, да? Родственные связи, так же, да? (Угу). Во всем мире!

30:00

Значит, уже какая-то несправедливость, верно, да, в этом была? Я у верующих спрашиваю: «Дорогие мои, как к Богу Мария вот эта, мать это, как она ему доводится, доводится?» Вы знаете слово «доводится», это украинское «доводится»? (Да, да). Как она доводится ему? (Кем приходится?) Сестра, брат, дочь... Наверное, дочь, да? Богу она дочь или нет? Ну, как вот? Матерь Божия, как она Богу? Дочь, по-моему, или сестра, или, ну, шо-то родственное, раз наш отец – Бог, верно? Значит, мы ихни сыновья и дочери. На каком основании она забеременела? Ну, вот, вот пише, вот пишет-то. (Так, а получалось, что, вот, те, кто молился, первыми умирали в бою?) Да-да, вот это правильно подметила, первые умирали, первые, первые, вот, а почему?

31:00

Они надеялись на что-то, на что-то, а надо шустрить, как я рассказывал. И вот я, будучи уже офицером, служил. Я служил, значит, у Германии, служил в Польше, служил, кончал училище в Баку, Бакинское, да, был в

Китае, был в Корее, был. И вот я солдат учил так. Дорогие товарищи, у меня там стычек много было с, с начальством, потому что они на фронте не были, они вот так, шо написано, вот, написано вот, десять человек, все по-разному понимают, понимаешь ты, так же, да? (Да, да, да). Вот написано, один так понимает, другой так, а вот найти это... Ну, это я их, шустрых, шустрых, шустрых: «Противники – будете наступать, а вы будете стрелять». Ну, холостыми там это.

32:00

Пройдет это занятие, я спрашиваю: «Товарищи, вот вы в обороне были, если бы это противник был, убили?» - «Нет, таких хрен убьешь, - говорит, - извините за выражение». – «Почему?» - «Так шустрый!» На фронте что? Кто, кого вперед? Так мне, я, у меня дуэль была, дуэль была со снайпером. Вот щас кино токи прошло это про снайпера, это, это все липа, это ж, как его, Зайцев, эээ, чертил каждый раз, это невозможно понять, убиты или не убил. Снайпер не может понять, убил ты противника или не вбил. Он падает, но это не значит, что ты его убил. И когда стреляет снайпер, я часто с ветеранами это...

33:00

Такой удар получается, шо я теряю, что там получилось, даже я не вижу, он падает или не падает, ты понимаешь? Вот. (Да). И вот ко мне прислали две девушки, снайперы, кончали московскую снайперскую школу. Я им даю задание, вот вы выкопали окопчик этот, тоже неправильно вот, шо, эээ, оно давно идет такое, вот. Пошли на задание, день прошел, и что? Та никого, ничего. Второй день - ну, никого, ничего. Это специальный раствор, да? (Не, я просто таблетку выпить). Какие таблетки? (Ношпа). Ношпа, а то ж такие, дорогая, где-то поранила. Дедушке 80 лет, а еще ношпы не пробовал.

34:00

(Ну, так!) Не пробовал, другие этот это. (Пробуют, да). Ну, это снайперы, второй день, ничего нету. Я говорю: «Дорогие, так что ж вы за

снайпера? Шо вы с отличием кончили московскую снайперскую школу. Хорошо, пойдем!» Одну оставляю, с одной йду.

Дочь. Уже, наверное, все обговорили или еще нет?

А.В. Нет. (Щас уже будем закругляться). Токи начало.

Дочь. Закругляться, конечно, уже 3-4 часа людей держишь.

А.В. Токи начало. Лежим, город Кезлин такой в Восточной Пруссии. Они город держут, а мы к городу подошли. Я говорю: «Та, Марусенька, дорогая, посмотри, шо там видно?» – «Та ничего не видно». Я говорю: «А шо ты видишь? Нога на ногу видишь, нога?»

35:00

А он спал, немец, и ногу выставил, знаете, как сонный. Я говорю: «Бей по ногам!» Хлось, попало, оторвало ногу, да. Смотрю, рука видно. Ну, в этого раненого не может быть, рука здесь это тоже, так заборчик, и он за... чё-то, да. Я говорю: «Бей по руке!» И она сюда трас ему, щелк, пальцев нету. Так, ну, пришли, разбор, я говорю: «Вот видишь...» Я забыл этого с отряда, как его звали, да. Я говорю: «Видишь, мы двоих, двоих». – «А как?» Я говорю, так и так. «А мы тоже видели, и руку, и ногу видели». Я говорю: «Так почему ж, вы же?...» - «А нас учили токи в голову».

36:00

«А нас учили у голову». – «Так, - я говорю, - жди! Наша задача – вывести из строя, также, да, солдат?» (Да). Вывести его из строя, шоб он не воевал, шоб он не числился, шоб он... Все! Видишь, как наука, московская наука-то и... «У нас, - говорит, - кроме головки, никаких мишеней не было».

37:00

Вот ты должен... (Попасть, да?) Попасть у голову, почему? А почему не руку, почему? Видишь, наука какая-то. (Да. А вот скажите, пожалуйста, а вот если... а если вдруг такая необходимость возникнет, Вы сможете показать те колодцы или объяснить, где они находятся, где вот так много людей погибло? И там нет никаких памятников?) Нету, нету. Показать, я даже вам точно не могу сказать, я регион могу сказать, вот, вот в этом, вот в этом и

это... (Раздольненский?) Да. Села-то, там села того нет уже, села нету, понимаете? Вот. (Нету, да? Жалко). Вот. (Да, спасибо большое. А вот, жалко, что у нас так немного времени, и что мы к Вам попозже пришли).

38:00

Ну? (Мы очень хотели, но завтра уже уезжаем). Так. (Вот у меня такой вопрос: что Вы можете пожелать тем, кто будет слушать Ваши воспоминания о войне?) Ну, что? Ха-ха. Что пожелать всем людям, которые видели войну, которые слышали войну, которые это... Все вы, что услышите, что вы это, все анализируйте, и должно у вас свое мнение быть, как я вот с этой Библией. Чтобы каждый человек, каждый человек, эээ, представил себе, представил себе. Я вот говорил, под Севастополем, сколько трупов, что, если заснять, заснять это, это ужас! Ужас!

39:00

И он, этот ужас, сделанный нашими генералами и маршалами, искусственно сделанный. Они этого хотели, они это... Они не жалели, нету такого генерала, солдат чтобы, эээ... Будучи, будучи, эээ, в штабе армии, вот, я ж был начальником у шт... караула штаба армии, штаба армии, эээ. Значит, я слышал и до этого в штабе армии особенно, эээ, такое хвастовство генералов и полковников! И на фронте: та я эту сопочку, да я ту, эту, эту, да этот Берлин, да я этот, это. Рас...

40:00

Короче говоря, эээ, вот это командование, командование, я еще раз повторяю, за 13 лет я одного видел это, его фамилия Егоровский, полковник Егоровский, впоследствии он стал генерал-полковником, генерал-полковником. Только один человек, который, я видел, пришел, устав, ага, 30 минут на окоп. Снимает китель, строй стоит, копает окоп: «Уложился, все, и вы должны улечься. Вы молодые, я старый человек». Приходит на турник, как колбаса висеть это, знаете, молодежь без... эээ... Он показал: «Я десять поджался, а вы молодые, вы двадцать раз поджались». И так, кстати, один

случай расскажу за него тоже. На учениях там, в Китае, были, река, переправляет.

41:00

Мы учили солдат китайских. Забыв! И я ударился и разбил часы, посмотрел, ремонт, вот, хорошо ударился, на переправе снимаю часы и бросаю у воду. Все, все, кончается учение, кончается учение, значит, полковник разбирает учение: «То, то, то правильно, то неправильно, то, то. Наградить – тому это грамоту, тому то-то, старшему лейтенанту Гривкову часы, наручные часы именные!» Пришел, получил, и... А остальные говорят: «Это, блядь-то, мать, ты-ды, шо мы не там были? Шо тебе?»

42:00

А тогда тот часы тяжело ж было, знаете, ручные, и дорогие, да еще и это, видите? Откуда-то узнал, откуда-то узнал, и я никому не говорил, я никому, узнал, что я часы по... Я на этом, на учении, ни где-нибудь там, на этом, понимаете? (Да). И много таких случаев, это. Там пришел новый устав, «Боевой устав пехоты» назывался, и я учил солдат не так, как (постучал по Библии – А.С.). Я видел войну, как я это, как надо на войне, как надо на войне. И кто-то доложил, и они, и он меня вызвал, и я, эээ, доказал ему, доказал ему, вот, и однажды, однажды на День Победы такое гуляние было, и он уже генералом был.

43:00

«Товарищи офицеры, - говорит, - кто из вас имеет пулевое ранение, я стану на колени перед вами!» А почему? А почему пулевое ранение, он на колени становится? Подумать можно, что... Почему? Потому что те офицеры, которые токи в бою могут получить пулевое ранение. Осколочное могут ехать где-то... А осколочное, то есть пулевое, только в бою, непосредственно в бою, когда ты его стреляешь, и он тебя стреляет, понимаешь? Суть, суть такова! Ну, я подымаю руку, а он говорит: «А перед Голенковым я не стану на колени!» Все остальные: «Ничего себе! А шо такое? Шо ты?»

44:00

У тебя есть пулевое ранение?» - «Да, - говорю, - сюда пуля зашла, отсюда вышла, у меня справка, вот». - «А чего ж он так сказал?» Ну, я: «Спросите его, шо?» - «Ну, а что ты к концу...» А их заинтриговало, как это так, смотрели. «Товарищ генерал, ну, скажите, пожалуйста!» - «Та, что вы не, вам всем ясно», - он говорит. «Да как ясно? Ну, ничего». «Та я, - говорит, - два раза на колени не стаю». Раз стоял уже, когда (стучит по Библии – А.С.) доказал ему, второй раз... «Ааа!» Понимаете? (Да, то есть, первый раз, когда Вы ему доказывали, как нужно вести бой). Да – да – да, вот это вот. (Не по уставу, а как лучше, да?) Да – да – да, как лучше. Он, он меня поддержал (стучит – А.С.). (Поддержал?) Поддержал. (Он руку пожал?) Вот, да, руку пожал.

45:00

Ну, он на колени не стал, но он так сказал. (Условно). Да, образно сказал. «Второй раз я не стану, я уже стоял, уже, я уже стоял», - говорит. Вот, вот, значит, что, что я от него хорошее узнал. Он говорит: «Товарищи офицеры, никогда ни наказывайте солдат сегодня, в тот день, когда вы это совершили. Вот попробуйте на завтра перенести, и вы посмотрите, как оно выглядит». Попробовал – не за что! В горячке, знаешь это, то арец дашь, то на это, наряд вне очереди, то это. Понимаете? А второй день спрашивает: так за что, про что? (Ага, остыл). Да, я сто лет говорю всем, говорю: «Товарищи...» Вот вчера в Севастополе, позавчера прыгнул солдат в обрыва, допекали его.

46:00

Там пристрелили, там это. Я говорю, надо сделать так: издеваются над тобой, у наше время никогда никто не издевался, вот я точно говорю. Это когда пошла вот это суворовцы, а суворовцы чё? У меня был лейтенант-суворовец, я его не видел. В Ленинграде знакомая, день рожденья, он летит туда, батя-генерал, деньги есть, то профессор-то, понимаете это? Он солдатской жизни не знал, не знал. Для него это безразлично. И потом, второе что, в армию начали тюремщиков. А вы знаете, вот я вот прожил 80

лет, я говорю, воспитание улицы преобладает перед воспитанием домашним, согласно вы, не?

47:00

Как улица, улица хорошая – будет, улица такая – все. Что вы фотографируете? (Да, фотографировать? Мы хотели статью фотографировать). А, статью. (Да). Библию не будете? (Нет, ха-ха, спасибо). Это так, еще я не сказал про Библию. (Да). Что несколько городов Бог уничтожил. (Давай я пока сфотографирую статьи. Да, можно?) Да, это. (Орден Отечественной войны Первой степени имени Богдана Хмельницкого, медаль за отвагу, за боевые заслуги, да, и юбилейные медали, и знаками много). Две медали за отвагу. Так, это я вам говорил, шо меня через раз это снимали, этот, награждали через раз. И когда я попал... (Через раз, да?) В училище попал, вызывают чекисты и говорит: «А как этот попал сюда, этот?» (На Вас, да?) Да, полковник говорит: «Так он заслуженный, у него две медали за отвагу». Это, а был приказ такой, эээ, сержанты, имеющие, эээ, боевые награды, эээ, на курсы лейтенантов.

48:00

А он, значит, как он попал? Ну, я думал, щас выгонять, и все. В оккупации ж был! Это ж нельзя было, вот. В конце концов, я, это... (Ну, скажите, сейчас же уже нет такого, кто был в оккупации?..) Нету. (Сейчас даже эти люди считаются участниками войны?) Да, да. (Тоже, да, если не воевали?) Да-да, щас нету. (То есть, сейчас как-то справедливость в этом смысле хотя бы восстановлена, да?) Да-да. Не, это никто не восстанавливал, она просто за, за... (Не, ну, раньше вот говорили – оккупация...) Да-да. (А сейчас все равно считается, что это люди тоже совершили подвиг). Я ж говорю, я токи, это только, эээ, 60я годовщина была, больше меня никто не приглашал, меня никто не это. Понимаете? (Она, я сейчас еще запишу, это «Крымские известия». Ты записала адрес, да? – Да. – Чтоб мы потом...)

49:00

А там даже фотография показаться, то есть, ветеранам войны. (Да). Вот там говорит: «Как мы воевать могли? Одна, одна винтовка». (Да). Я говорю: «Хорошо, шо винтовкой нельзя это». Я, например, эээ, когда начал воевать, я автомат забросил это, эээ. Ну, он негодный для войны. Каждая вещь какой-то определенное это, понимаете? Вот, вот такой я случай расскажу. Не рассказывал вам? (Да). Значит, высаживаются немцы, две машины немцев... (А ты запишешь свой, это, есть у тебя возможность, да? – Да). Я это...

Golenkov3_pf20

В Восточной Пруссии. (А, это в Восточной Пруссии). Поехали, нас взвод, ну, там 15 человек осталось, взвод. При нашем, ну, как, на виду у нас разгружается человек 70 немцев, я смотрю в бинокль, ну, немцы, немцы. А они мне говорят: «Товарищ сержант, эээ, щас нам капец будет!» Я говорю: «Почему вы это?» - «А че Вы так спокойно?» Я говорю: «Посмотрите в бинокль». Даю бинокль, смотрят. «Ну, что? Немцы как немцы!» Следующий, там сержанты, даю бинокль. Я командир взвода был офицерского. Почти постоянно я офицерский... Не хватало офицеров, это. Я говорю: «Хорошо посмотрите». – «Мы хорошо смотрим, немцы как немцы». Я говорю: «Посмотрите оружие, какое у них оружие». – «А, оружие – автоматы». – «Автомат скоки стреляет?» - «100 метров». – «А они от нас скоки находятся?»»

1:00

«300 метров». – «Опасны для нас или нет?» Конечно, нет! Мы ставим пулемет и начинаем стрелять. И они все разбежались, потому что им, чтобы что-то нам, какой-то вред сделать, им надо подойти на 100 метров. Я, будучи крестьянином, и, эээ, опыт, ну, как... как вам сказать, показ... показывал опыт, эээ, всего оружия, всего. Граната как взрывается, как на виду, пока я сам показываю, вот: «Не боись ее, не боися, она не страшна». Вот я, вот делаю, вот, чтобы это, когда знаешь, когда знаешь... Вот я, эээ, уже, уже

после войны сказал, эээ, тот солдат, тот солдат, эээ, отличный солдат, когда он прослужил в танкистах, послужил в артиллерии, послужил, это.

2:00

Вот такой случай был. Записываешь, нет? (Да). Сбили нашего летчика, мы отбили от немцев. Приползает он к нам: «Ой, ребята, спасибо, а то немцы вот-вот, чуть не вбили меня!» Садится, курит, налетают немецкие самолеты. Бомбят, штук 15, как высыпали бомбы, и мы все спрятались, а он смеется, а он смеется! Я говорю: «Чё ты смеешься?»

Дочь. Ой, сериал!

А.В. «Дебилы, пехота, дебилы!» - «Чё?» - «Так куда бомбы, вы посмотрите?» Переправа, полкилометра переправа от нас, они бомбят. Оказывается, это потом уже и я понял, самолет летит, бомбу бросает, и она идет же за ним по инерции.

3:00

«Она, - говорит, - за полкилометра от нас, мало того, шо высыпало!» А для нас страшно это, мы ж не знаем. Высыпали скоки бомб, щас, думаю, накроет нас. Видишь? Вот так и все. Также и танки, вот, танкисты, также и летчики, также все. Вот я, уже после войны учения, учения, эээ, генерал говорит: «Садитесь, офицеры, в вертолет, и посмотрим, хто как замаскировался, хто как это». А сверху-то хорошо видно, ты вроде это, понимаешь или нет? Вот такие тонкости, а оно ж надо, обязательно надо, а, эээ, не понимают этого. Вот приказал, приказал и все, потом и поймешь это. Так жалко, конечно, что вот этой книжки не нашел. (Да, но ничего, спасибо).

4:00

А там, если, если такая потребность будет. (Да, мы записали адрес). Я покажу место. (Да, то есть, если что, можно). То место покажу, может, даже найдем. (Может, найдем). Может, найдем, вот. Там колодцы такие, ну, один хорошо я знаю колодец, а там токи... где это. Вот таки дела. (Это сериал. Спасибо, вот эти Ваши воспоминания будут храниться в Киеве в архиве).

Дочь. Это не ваше? (Нет, у нас не было кассеты, мы без кассеты, мы так записываем, у нас другая, у нас такая сейчас техника, что...)

А.В. (Ну, да). Такие если, понимаете, они. (Ну, мы, да, были у кого, вот здесь, по-моему. Нет, напротив были). Я знаю, да. (У Белогурова, Белогурова). Белогурова. Ну, они помоложе, я их знаю хорошо. (Да, ну, они сказали, что к Вам пойти, вот. Да, спасибо огромное, спасибо! Здоровья Вам! Долгих лет!)

5:00

Давно, давно, и я не знаю, как, как вы понимаете моё, ну, они ответить на мои вопросы не могут, не могут. Это вы ж там с Украины, это вот этот голод, вот этот голод, эээ, при чем здесь коммунисты? При чем здесь? Я вот читаю статьи: «У меня забрали две тонны!» Как у тебя могут две тонны зерна забрать, когда неурожай, вот. Понимаете? Пишут, они пишут одно, а оно не совпадает это. (Ну, да). Я, например, что бы я ни читал, я, эээ, сразу это, понимаете? Возможно – не возможно, как, этот, у меня сомнения. И вот, вот я служил, я 13 лет прослужил, если солдаты мне задали вопрос, я ничего не... если вопросы. Вы студенты? Вопросы задаете? С похмелья? (Да какой там! Мы ж девочки, мы не пьем).

6:00

Вот я, я говорю, если вы не... вопросов не задали, вопросов не задали, вот, где бы я не был, где бы я не был. Ну, за свою жизнь, эээ, моя жизнь еще интереснее, чем вот эта война, понимаете? (Ну, понятно). Вот не потому, шо понятно. Это я в райкоме работал, директор за... этот был, заготконторы, директор общепита был, а потом коммунисты меня вы... вы... этот. А почему? Эээ, помните? Вы не помните, конечно, эээ, при Хрущеве было, коровок. Коммунист, не то, шо, знаете, дети маленькие были. Я с женой посоветовался и говорю... До сих пор печенка болит, да? (Ну, да, живот болит. – Плохо же чувствует, наверное, да? – Ну, чего-то живот болит, да). Живот или это печенка? С какой стороны?.. Не знаю, по-моему, и щас это там такой порядок? (В Германии, да?)

7:00

Да. Значит, я два года там, войну закончил, я там комендантом был, этот. Они очень дисциплинированные, понимаете? Очень дисциплинированные. Вот то прийти, прийти на работу, вот как ты: «Пан комендант, я krank, болею, я это». У нас же передают.

Дочь. Папа!

А.В. А!

Дочь. Уже девочкам идти пора!

А.В. Щас, щас, щас, щас, никуда не денутся.

Дочь. Пошли, папа, надо идти.

А.В. Щас, говорить это. Так они вот это лечение, лечение до того, эээ, ну, освоили, своих детей лечи, сами лечат. Простуда, мелкие такие, несвязанные с хирургией. Эээ, на любой тебе совет: то зубы болят, то это, какая трава, какая это, какая то, то, то, то, то. Вот ты при женихах хоть не держися!

Дочь. А чего у тебя болит? (Да просто живот, да живот что-то разболелся, бывает).

8:00

Бывает. Карсил у меня только есть. (Да, у нас есть там лекарства).